

Ольга Ефимова

Наследие Полночи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова

Наследие Полуночи

«Автор»

2026

Ефимова О.

Наследие Полночи / О. Ефимова — «Автор», 2026

Три приёмные сестры — циничный адвокат из Нью-Йорка, популярная стримерша из Лос-Анджелеса и затворница, работающая в морге, — съезжаются на похороны любимой бабушки. В подвале старого особняка они находят Книгу Теней и узнают шокирующую правду: они — реинкарнации ведьм, казнённых триста лет назад. Их силы опасны. Чтобы использовать магию, нужно платить эмоциями. Игнорируя шёпот прошлых жизней, сёстры рискуют получить обратный эффект. А главный враг — Смотритель, человек, который носит амулет из их собственных костей, — невидим для магического чутья и может отключать их дары одним касанием. Но сёстры ещё не знают главного: их младшая сестра, которую они не смогли спасти в прошлом, не переродилась. Она стала одержимой местью и хочет не убить их, а вселиться в одну из них, чтобы стать главной ведьмой и изменить историю.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Чёрный дом	7
Глава 2. Игра начинается	12
Глава 3. Тени прошлого	18
Глава 4. Ведьмин холм	24
Глава 5. Пустота внутри	29
Глава 6. Сердце из камня	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Ефимова

Наследие Полночи

Пролог

Особняк «Полночный сад», Чикаго

За три дня до похорон

Маргарет Уэст сидела в своём любимом кресле у камина, хотя огонь давно погас. Восемьдесят шесть лет — достаточный срок, чтобы научиться чувствовать холод раньше, чем он коснётся костей. Но сегодня холод пришёл не из камина. Он сочился из зеркала.

Она смотрела на своё отражение — морщинистое лицо, седые волосы, руки, которые когда-то держали трёх младенцев, а теперь дрожали над чашкой остывшего чая. Отражение смотрело в ответ, но Маргарет знала: это уже не она. Уголки губ в зеркале приподнялись на полсекунды раньше, чем её собственные.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала она тихо, в пустоту комнаты. — Ты всегда приходишь, когда пахнет дождём.

За окнами хлестал ливень. Стекло дрожало от порывов ветра, и в этом шуме Маргарет слышала иное — шёпот. Тонкий, как лезвие, голос девочки, которую она никогда не знала лично, но чьё лицо видела во снах каждую ночь последние тридцать лет.

«Ты прятала их от меня, бабушка», — прошепестело из зеркала.

Маргарет не вздрогнула. Она слишком стара для дрожи. Вместо этого она медленно поднялась, опираясь на трость, и подошла к старинному комоду у стены. В верхнем ящике, под вязаными салфетками, лежал ключ — чёрный, тяжёлый, с резной головкой в виде трёх переплетённых лун.

«Ты думала, что если разбросашь их по стране, я не найду?» — голос в зеркале стал громче. — *«Но кровь зовёт кровь. Они уже чувствуют. Эмили проигрывает дела. Зои видит меня в каждом пикселе. Мэй слышит мёртвых... Они идут сюда, Маргарет. Ты сама их позвала».*

— Я позвала их на похороны, — ответила старуха, сжимая ключ так, что металл впился в ладонь. — Ты не получишь их, Лилиан. Я поклялась.

Она повернулась к зеркалу. Отражение изменилось: теперь там стояла не она, а тонкая фигура в капюшоне, с провалами глаз, в которых горел не огонь, а пепел. Девочка, какой она была триста лет назад, — обгоревшая, обиженная, бесконечно одинокая.

«Ты умрёшь сегодня, Маргарет. Но я не убью тебя. Ты сделаешь это сама.»

Маргарет усмехнулась, хотя сердце билось где-то в горле.

— Дурацкая попытка запугать старую женщину. Я ждала тебя три десятилетия. Я знала, что ты придёшь, когда они проснутся.

Она достала из кармана фартука сложенный лист бумаги — записку, которую писала уже месяц, перечитывая и переписывая каждое слово. Перо дрожало, когда она вывела: *«Не открывайте дверь в подвал, пока все трое не соберутся. И не доверяйте вашим отражениям».*

— Они умнее, чем ты думаешь, — сказала она отражению. — Они придут. Они прочтут Книгу. Они вспомнят.

«Они вспомнят, как предали меня», — прошепела Лилиан. — *«И тогда они сами приведут меня к себе. Ты не можешь защитить их от правды».*

Маргарет подошла к столу, положила ключ рядом с запиской и села в кресло спиной к зеркалу. Она больше не хотела видеть это лицо. Вместо этого она закрыла глаза и сосредоточилась на другом — на трёх именах, которые выжжены у неё в сердце. Эмили. Зои. Мэй.

— Слушайте меня, девочки, — прошептала она, хотя знала, что они не слышат. — Не бойтесь друг друга. Бойтесь тишины. Бойтесь, когда становится слишком спокойно...

Голос Лилиан за её спиной стал ласковым, почти нежным:

«Ты устала, бабушка. Отдохни».

И Маргарет почувствовала, как веки тяжелеют, как воздух в комнате становится сладким и густым, как пахнет сухой травой и ладаном — запахом костра.

Она попыталась встать, но ноги не слушались. Троость выскользнула из пальцев. Последним усилием воли она выпрямилась в кресле, сложила руки на коленях и заставила себя улыбнуться. Если ей суждено умереть, она умрёт с достоинством — с улыбкой, которую её внучки запомнят.

Зеркало позади неё треснуло. Тонкая паутина побежала от центра к краям, и в каждом осколке отражалась одна и та же девочка в капюшоне.

«Спи, хранительница. Твоя работа кончена».

Маргарет сделала последний вдох. В этом вдохе она услышала смех трёх девочек, которых когда-то взяла из приюта, — звонкий, солнечный смех, который давно ушёл из этого дома.

А потом наступила тишина.

Спустя три часа, когда ливень стих и луна выглянула из-за туч, луч света упал на лицо мёртвой женщины. Её улыбка была спокойной, почти счастливой. На столе рядом с ней лежали чёрный ключ и записка, придавленная фарфоровой чашкой.

В подвале особняка, глубоко под землёй, Книга Теней впервые за триста лет начала светиться слабым зелёным светом.

Её страницы были пусты.

Но они ждали.

А в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Чикаго три девушки одновременно проснулись от одного и того же кошмара — им снился огонь.

Эмили, Зои и Мэй ещё не знали, что их бабушка мертва.

Они чувствовали только холод, который вдруг поселился у них под кожей, и тихий, настойчивый шёпот, твердивший одно и то же имя:

Лилиан.

Глава 1. Чёрный дом

Особняк «Полуночный сад» встретил Эмили Уэст привычной тишиной — той густой, вязкой тишиной, которая бывает только в домах, где никто не живёт, но каждый уголок помнит голоса умерших. Она стояла у кованых ворот, сжимая в кармане пальто ключи от арендованной машины, и смотрела на фасад, покрытый плющом. Три года. Три года она не переступала порог этого дома, и за эти три года её жизнь стала ровной, предсказуемой, *успешной*. Адвокатская практика в Нью-Йорке, дорогой офис, квартира с видом на Ист-Ривер — всё, о чём она мечтала в восемнадцать, когда сбегала из этого проклятого места.

И вот она вернулась.

Запах сырости и плесени ударил в нос, как только она толкнула тяжёлую дубовую дверь. Петли жалобно скрипнули — никто не смазывал их уже много лет. Эмили шагнула внутрь, и её каблуки гулко застучали по паркету в прихожей. Слева висело огромное зеркало в позолоченной раме, но оно было разбито — трещины расходились от центра, как паутина, и в каждой грани отражались куски её собственного лица. Она помнила это зеркало целым, помнила, как бабушка поправляла перед ним седые волосы каждое утро.

— Что здесь произошло? — прошептала она, но ответа не было.

Она прошла в гостиную. Всё выглядело так, будто бабушка только что встала с кресла — плед небрежно свисал на пол, на столике стояла чашка с остывшим чаем, рядом лежал сложенный лист бумаги. Эмили подошла ближе, но не взяла его. Она боялась прикосновений к вещам мёртвых. Вместо этого она оглядела комнату. Камин был холодным, но в нём ещё лежали обгоревшие поленья. На стенах висели старые фотографии — она, Зои и Мэй в детстве, смеющиеся на качелях в саду. Эмили отвернулась.

Зазвонил телефон. Она вздрогнула, достала его из кармана и увидела имя: «Зои».

— Ты где? — голос младшей сестры прозвучал резко, даже истерично.

— Я уже в доме, — ответила Эмили холодно. — А ты?

— Я у ворот. И тут... тут кто-то стоит за деревьями. Я видела его в зеркале заднего вида. Эмили нахмурилась.

— Выходи из машины и заходи в дом. Ни на кого не смотри. Просто иди сюда.

Она повесила трубку и подошла к окну, раздвинув тяжёлые шторы. За воротами стояла ярко-розовая машина Зои — полный контраст с мрачным особняком. Рядом с машиной никого не было. Но Эмили заметила, как шевельнулись кусты за забором. Или ей показалось?

Через минуту дверь распахнулась, и в прихожую ворвалась Зои — растрёпанная, в спортивном костюме с неоновыми вставками, с огромными наушниками на шее. Она выглядела так, будто только что выбежала из спортзала, но Эмили знала, что это не так. Под глазами у Зои залегли тени, а руки дрожали.

— Ты видела её? — выпалила Зои, даже не поздоровавшись. — В зеркале, в телефоне, везде! Она улыбается мне уже три дня! Эмили, это не шутки!

— Успокойся, — Эмили взяла её за плечи, заставляя смотреть в глаза. — Кто «она»? Что ты несёшь?

Зои вырвалась и заметалась по комнате, заглядывая в каждый угол, в каждое отражение. Она подошла к разбитому зеркалу и отшатнулась.

— Девочка. С ожогами. Я видела её на экране ноутбука, потом в телевизоре, потом в стекле машины. Она сказала: «Бабушка умерла. Ты следующая». Я не спала двое суток, я пыталась её игнорировать, но она повсюду!

— Лириан, — тихо произнесла Эмили.

Зои замерла.

— Что?

— Имя. Ты слышала имя «Лилиан»?

Зои побледнела.

— Откуда ты... — она запнулась. — Да. Она сказала: «Я Лилиан. Я ждала тебя».

Эмили отпустила сестру и прошла к столу. Она, наконец, взяла бумагу — сложенный вдвое лист, исписанный дрожащим почерком бабушки. Она прочитала вслух:

— «Не открывайте дверь в подвал, пока все трое не соберутся. И не доверяйте вашим отражениям».

Она перевернула лист. С другой стороны было приписано карандашом, почти неразборчиво: «Лилиан не та, кем кажется. Она хочет не убить, а занять. Берегите разум».

Рядом с запиской лежал ключ. Чёрный, тяжёлый, с резной головкой в виде трёх переплетённых полумесяцев. Эмили взяла его — металл был ледяным, хотя в комнате было тепло.

— Ты видела бабушку? — спросила Зои тихо, подходя ближе.

— Ещё нет. Её тело в морге. Мэй сейчас там.

— Мэй... — Зои сглотнула. — Мы не виделись три года. Как она?

— Она работает в морге, — сухо ответила Эмили. — С ней всё в порядке. Насколько это вообще возможно.

В этот момент входная дверь снова скрипнула, и на пороге появилась третья фигура. Мэй стояла в проходе, бледная, как простыня, с красными от слёз глазами, но без единой слезы сейчас. Она была одета в чёрное пальто, слишком большое для её худой фигуры. В руках она держала небольшой свёрток.

— Я привезла её вещи, — сказала Мэй, не поднимая глаз. — Из морга. Кольцо, которое она носила, и часы. Они сказали, что это всё, что при ней было.

Она вошла и положила свёрток на стол рядом с запиской. Затем она посмотрела на разбитое зеркало и вздрогнула, но ничего не сказала.

— Мэй, — начала Эмили, но та перебила её.

— Я видела, как она умерла. Не знаю, как это объяснить, но когда я коснулась её руки в морге, у меня перед глазами промелькнуло всё. Кресло, камин, это зеркало — оно было целым. И в нём стояла девочка. Она говорила с бабушкой. Она... убила её.

— Что? — Зои подскочила. — Ты видела убийцу?

— Не совсем. Она не прикасалась к ней. Она просто говорила. А бабушка сидела и улыбалась, а потом... её сердце остановилось. Девочка стояла и смотрела. И знаете, что она сказала в конце? «Спи, хранительница. Твоя работа кончена». — Мэй сжала кулаки. — Я не понимаю, что это значит, но я знаю, что она не человек. Она — что-то другое. И она ждёт нас здесь.

Эмили почувствовала, как по спине побежали мурашки. Она не верила в сверхъестественное, но три независимых свидетельства — её собственные проигранные дела, сбой техники у Зои и видение Мэй — совпадали в одной точке: в образе девочки по имени Лилиан.

— Нам нужно спуститься в подвал, — сказала Эмили, сжимая ключ. — Бабушка оставила нам этот ключ и записку. Она хотела, чтобы мы открыли дверь только тогда, когда все соберёмся. Мы собрались.

— Ты серьёзно? — воскликнула Зои. — Она написала «не доверяйте отражениям»! А в подвале наверняка полно зеркал! Это ловушка!

— Бабушка не стала бы оставлять нам ловушку, — возразила Мэй. — Она хотела нас защитить. Если она сказала открыть дверь вместе, значит, там что-то важное. Может быть, ответы.

— Или смерть, — буркнула Зои, но перечить не стала.

Они стояли втроём посреди гостиной, и между ними висело напряжение, которое не могли разрядить ни годы разлуки, ни общее горе. Эмили чувствовала, что её сёстры — чужие люди. Зои — шумная, вспыльчивая, слишком эмоциональная. Мэй — тихая, замкнутая, почти

призрачная. Они не были близки никогда, а теперь бабушка, единственный человек, который их связывал, ушла. И единственное, что у них осталось, — это ключ и запрет.

— Идём, — сказала Эмили решительно и направилась в коридор, ведущий на кухню, откуда был вход в подвал.

Дверь в подвал находилась за старой кладовой. Они нашли её за полкой с консервами, которую отодвинули с трудом. Дверь была массивной, из тёмного дуба, окованной железом. В ней было три замочные скважины, расположенные вертикально.

— Три замка, — сказала Мэй. — Нас трое. Каждая должна вставить ключ по очереди.

— Или одновременно, — поправила Зои. — Бабушка любила символизм.

Эмили вставила ключ в первый замок. Металл легко вошёл в скважину, и раздался щёлчок.

— Теперь ты, — сказала она Зои, передавая ключ.

Зои взяла его дрожащими руками, но справилась. Второй замок щёлкнул.

— Мэй, последний.

Мэй приняла ключ, вставила его в нижнюю скважину. Повернула. Замок щёлкнул, и изнутри донёсся глухой, протяжный скрип — механизм сработал.

— Открывается, — прошептала она.

Дверь медленно, с неохотой, подалась внутрь, открывая тёмный проём. Оттуда пахло холодом — не просто сыростью подвала, а чем-то более древним, застоявшимся, как воздух в склепе. Лестница уходила вниз, и ступени были покрыты толстым слоем пыли. Но на них не было следов — никто не спускался сюда очень давно.

— Свет есть? — спросила Зои, заглядывая вниз.

— На стене должен быть выключатель, — сказала Эмили, но, проведя рукой по стене, ничего не нашла. — Похоже, проводка отключена. У кого-то есть телефон?

Мэй достала свой телефон и включила фонарик. Луч света разрезал темноту, выхватывая деревянные ступени, каменные стены и, внизу, площадку, на которой стоял старый сундук.

— Сундук, — сказала Эмили. — Наверное, там книга.

— Мы спустимся? — голос Зои дрожал, но в нём звучало любопытство.

— Мы не для того прошли через три замка, чтобы стоять наверху, — ответила Эмили и шагнула на первую ступеньку.

Дерево застонало, но выдержало. Она медленно спустилась, за ней следом — Зои и Мэй. Каждая ступенька отзывалась эхом, и звук шагов разносился в тесном пространстве, создавая впечатление, что они не одни. Эмили чувствовала на затылке чей-то взгляд, но, оборачиваясь, видела только сестёр.

Когда они достигли дна, Мэй направила свет на сундук. Он был кованым, с массивным замком, но замка не было. Крышка была приоткрыта.

— Открой, — сказала Зои, толкая Эмили в плечо.

Эмили откинула крышку. Внутри лежала книга — огромный фолиант в тёмно-кожаном переплёте, на обложке которого был вытиснен тот же символ, что и на ключе: три переплетённые луны. Рядом с книгой лежали три серебряных браслета, каждый с руной, выгравированной на внутренней стороне.

— Это Книга Теней, — прошептала Мэй. — Я читала о таких. Ведьмы хранили в них свои заклинания.

— Ведьмы? — Зои нервно хохотнула. — Ты серьёзно?

— А что ты предлагаешь? — огрызнулась Мэй. — Объясни тогда свои «сбои» и мои видения.

Эмили подняла книгу. Она была тяжёлой, почти неподъёмной. Она открыла её на первой странице — и увидела лишь чистый пергамент. Ни единой буквы.

— Она пуста, — сказала она разочарованно.

— Подожди, — Мэй взяла книгу и положила её на пол. — Может быть, её нужно активировать. Бабушка говорила, что магия требует прикосновения. Посмотри на браслеты.

Они взяли по браслету. Каждая надела его на левую руку. Металл был прохладным, но через секунду нагрелся, словно подстраиваясь под температуру тела. Эмили почувствовала, как по запястью пробежал электрический разряд.

— Положите руки на книгу, — сказала Мэй. — Все вместе. Одновременно.

Они опустили руки на колени вокруг фолианта и протянули руки. Три ладони коснулись пустых страниц одновременно.

И мир взорвался.

Эмили почувствовала, как её сознание рвётся на части. Перед глазами вспыхнули образы — не её, чужие. Она увидела поля, покрытые туманом, костёр, толпу людей с факелами. Она стояла на эшафоте, но не она — та, другая, с её лицом, но в старом платье. Рядом стояли две женщины — они были похожи на Зою и Мэй, но старше, с более жёсткими чертами. А впереди, у самого костра, стояла девочка. Лилиан. Та самая, с обгоревшими волосами и пустыми глазами.

— Мы не хотели, — прошептала та, другая Эмили, но голос её звучал в голове реальной Эмили. — Мы не хотели тебя убивать. Ты была опасна.

А Лилиан улыбнулась и сказала:

— Теперь я вернулась. И я займу ту, которая слабее всех.

Видение оборвалось. Эмили отдернула руку от книги и упала назад, ударившись спиной о каменную стену. Она тяжело дышала, пот стекал по лицу. Она посмотрела на свои руки — на запястье, под браслетом, проступила руна. Красная, пульсирующая, такая же, как та, что она видела утром.

— Что это? — прошептала она.

Зои лежала на полу, обхватив голову руками. Она дрожала.

— Я видела огонь. Я слышала крики. Мы... мы стояли и смотрели. Это мы её убили? — голос её срывался на рыдание.

Мэй сидела неподвижно, глядя на книгу, которая теперь была заполнена текстом — строчки бежали по страницам, складываясь в заклинания, символы и пророчества. Она прочитала одно предложение вслух:

— «Три луны погаснут, когда четвёртая взойдёт».

Эмили поднялась, опираясь на стену. Она подошла к книге и перевернула страницу. Там, на следующем листе, был нарисован портрет — три женщины в старинных одеждах, стоящие вокруг костра, и четвёртая фигура, отделённая от них, с лицом, которое было размыто, но угадывалось: та самая девочка.

— Нас было четверо, — сказала Эмили, чувствуя, как холод пробирает до костей. — Мы — реинкарнации трёх ведьм. А четвёртая — Лилиан. Она не переродилась. Она осталась там, в прошлом, и теперь хочет вселиться в одну из нас.

— Но мы же не те ведьмы! — закричала Зои. — Мы не виноваты в том, что случилось триста лет назад!

— Душа не различает времени, — тихо сказала Мэй. — Она помнит вину. И Лилиан помнит.

Вдруг свет от телефона Мэй погас — батарея разрядилась. В подвале воцарилась тьма, лишь книга слабо светилась зелёным. Эмили почувствовала, как кто-то дышит ей в затылок. Она резко обернулась — никого. Но в зеркале, которое висело на стене подвала (она не заметила его раньше), отражалось не её лицо, а лицо Лилиан. Девочка стояла там, в зеркальной глубине, и улыбалась. Она подняла руку и помахала — ей, Эмили.

— Зою, Мэй, — прошептала Эмили, не сводя глаз с отражения. — Не поворачивайтесь. Скажите мне: ваши отражения в этом зеркале такие же, как вы?

Зои и Мэй переглянулись. Они медленно повернули головы к зеркалу. И замерли.

Их отражения не повторяли их движений. Отражение Зои сидело на корточках и плакало, хотя Зои стояла. Отражение Мэй улыбалось той же улыбкой, что и Лилиан. А в центре, между ними, стояла фигура, которой не было в реальности — Лилиан. Она протянула руки к зеркальной поверхности и коснулась её изнутри. Зеркало пошло рябью.

— Вы думали, что сможете открыть книгу и стать ведьмами? — голос Лилиан раздался не из зеркала, а прямо из стен, из пола, из воздуха. — Вы открыли дверь в подвал, но вы также открыли дверь в мою тюрьму. Теперь я свободна.

Эмили схватила книгу и захлопнула её. Свет погас. Но голос не исчез.

— Вы не можете закрыть меня, Эмили. Ты — старшая. Ты всегда была самой сильной. Поэтому я выберу тебя.

Эмили почувствовала, как в голове что-то щёлкает, как будто переключается тумблер. Она попыталась вспомнить своё имя, но на секунду разум опустел. И в этой пустоте прозвучало другое имя: «Лилиан».

Она тряхнула головой, прогоняя наваждение.

— Мы уходим, — сказала она твёрдо. — Зои, Мэй, за мной. Быстро.

Они бросились вверх по лестнице, спотыкаясь в темноте, и вылетели в коридор, захлопнув за собой дверь подвала. Эмили сунула ключ в замок и повернула его три раза — все три замка защёлкнулись. Она перевела дух.

Зои рухнула на пол, всхлипывая. Мэй стояла молча, глядя на свои руки с проступившей руной.

— Что мы наделали? — прошептала Зои.

Эмили посмотрела на книгу, которую всё ещё сжимала в руках. Она открыла её — страницы снова были пусты, но теперь по краям проступили чёрные пятна, похожие на следы пальцев.

— Мы не наделали, — сказала она холодно. — Мы только начали. И если Лилиан хочет вселиться в одну из нас, мы должны выяснить, кто из нас слабее. И защитить её.

— То есть, — Мэй подняла глаза, полные ужаса, — нам нужно выбрать, кто из нас станет жертвой?

Эмили не ответила. Вместо этого она подошла к разбитому зеркалу в гостиной и посмотрела в осколки. В каждом из них отражалась только она — но улыбка была не её.

— Она уже выбрала, — прошептала Эмили. — Она сказала: «Я выберу тебя». Меня.

Зои вскочила:

— Нет! Мы не позволим!

— Мы не можем ей помешать, — сказала Мэй. — Пока мы не узнаем, как она работает. И для этого нам нужно читать эту книгу. Учиться. Стать ведьмами.

— Или умереть, пытаясь, — добавила Эмили, и в её голосе впервые за долгое время прозвучала не уверенность, а страх.

Она повернулась к сёстрам, и в этот момент свет в комнате моргнул и погас. Снова тьма. Но в темноте, за их спинами, кто-то тихо рассмеялся — детский, звонкий смех, который не имел ничего общего с невинностью.

— Добро пожаловать домой, сёстры, — произнёс голос из зеркала. — Игра начинается.

Глава 2. Игра начинается

Тьма в гостиной была абсолютной. Не той полупрозрачной ночной темнотой, к которой привыкают глаза через пару минут, а плотной, почти осязаемой, будто кто-то накрыл комнату чёрным бархатом. Смех стих, но его эхо ещё вибрировало в стенах, в полу, в воздухе, который они вдыхали. Эмили стояла неподвижно, чувствуя, как сердце колотится о рёбра, и пыталась вспомнить, где в этой комнате находится выключатель.

— Зои, у тебя есть телефон? — спросила она в темноту, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Батарея села, — ответила Зои, и в её голосе слышалась паника. — У меня вообще всё село. Я не заряжала его два дня, потому что боялась смотреть на экран.

— Мэй?

— Мой тоже разрядился. В подвале.

Эмили выругалась сквозь зубы. Она шагнула вперёд, нащупывая рукой стену, и чуть не споткнулась о край ковра. Её пальцы коснулись шершавых обоев, потом гладкой поверхности старинного комода. Она помнила, что на нём стояла керосиновая лампа — бабушка зажигала её во время гроз, когда выбивало электричество. Эмили провела рукой по столешнице, сметая какие-то бумаги, и наконец, нащупала холодный металл лампы.

— Спички, — пробормотала она, шаря вокруг. — Где здесь спички?

— В ящике, — сказала Мэй, и её голос раздался совсем рядом, — я слышала, как бабушка всегда говорила, что держит их в верхнем ящике. Слева.

Эмили открыла ящик и нащупала коробок. Спичка чиркнула, и на мгновение оранжевый свет озарил их лица — бледные, потные, с расширенными зрачками. Эмили зажгла фитиль лампы, и жёлтое пламя разогнало тьму. Комната предстала перед ними в зловещем освещении, тени от мебели тянулись к потолку, как пальцы.

— Мы не можем здесь оставаться, — сказала Зои, подходя к окну. Она дёрнула штору, но та не сдвинулась с места. — Она здесь. Она в зеркалах. Она везде.

— Мы никуда не уйдём, — ответила Эмили, ставя лампу на стол. — Мы приехали сюда, чтобы разобраться. И мы будем разбираться. Сядьте.

Зои хотела возразить, но Мэй уже села на диван, обхватив колени руками. Она смотрела на свои запястья, на руны, которые пульсировали тусклым красным светом.

— Они не исчезают, — сказала она тихо. — Я думала, это временное. Но они вросли в кожу.

Эмили посмотрела на свою руку. Руна под браслетом была ярко-алой, похожей на переплетённые линии, которые образовывали символ — что-то среднее между руной и астрологическим знаком. Она коснулась её кончиками пальцев — кожа была горячей, будто под ней горел крошечный огонёк.

— У меня тоже, — сказала она. — Это значит, что мы связаны. С книгой. С ней.

Она открыла Книгу Теней, положив её на стол. Страницы больше не были пустыми — на них проступали строки, написанные на древнем языке, который Эмили не узнала, но почему-то могла читать. Слова складывались в предложения, и она произнесла вслух:

— «Три сестры, рождённые заново, несут в себе искры древнего пламени. Старшая — дочь Хаоса, меняет ткань судьбы. Средняя — дочь Бури, говорит с электричеством. Младшая — дочь Тени, слышит голоса ушедших. Вместе они — Круг. Врозь — жертвы».

— Звучит как бред, — сказала Зои, но голос её дрожал. — Я не хочу быть «дочерью Бури». Я хочу быть стримершей. У меня аудитория в полмиллиона человек, и они не поймут, почему их любимая геймерша вдруг начала стрелять молниями из пальцев.

— Это не шутки, — рявкнула Мэй. — Ты видела, что произошло в подвале? Это не игра, Зои. Это наша жизнь.

— А ты не смей мне указывать! — Зои вскочила, и в этот момент лампа мигнула, а за окном сверкнула молния, хотя на небе не было ни облака. — Это началось с тебя! Ты первая коснулась тела бабушки в морге! Ты принесла это в дом!

— Хватит! — Эмили ударила ладонью по столу так сильно, что книга подпрыгнула, а лампа качнулась. — Мы не будем ссориться. Это то, чего она хочет. Она сказала «игра начинается». Она хочет стравить нас. И если мы поддадимся, она выиграет.

Зои села, тяжело дыша. Мэй отвернулась, пряча слёзы. Эмили перевела дух и перелистнула страницу. На новой странице был текст, написанный от руки, знакомым почерком — бабушки.

«Девочки, если вы читаете это, значит, я уже мертва. И значит, Лилиан пробудилась. Я знаю, что вы напуганы. Я знаю, что вы не верите в магию. Но вы должны поверить, чтобы выжить. В подвале вы нашли не просто книгу — вы нашли ключ к вашей истинной природе. Теперь, когда вы коснулись её, ваши силы начнут проявляться. Не бойтесь их. Используйте их. Но помните главное правило: чтобы использовать силу, вы должны делиться эмоциями. Магия требует жертвы — не крови, а чувств. Радость, гнев, печаль — всё это топливо для вашего дара. Если вы отдадите слишком много, вы станете пустыми. Если не отдадите ничего — сила уничтожит вас изнутри. И ещё: вы услышите шёпот. Это голоса ваших прошлых жизней. Не игнорируйте их, но и не слушайтесь слепо. Они могут лгать. Они уже лгали когда-то».

Эмили дочитала и подняла глаза на сестёр. В гостиной повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых напольных часов. Часы шли — это было странно, потому что Эмили точно помнила, что они остановились много лет назад.

— Бабушка знала, — сказала Мэй. — Она ждала этого. Она готовила нас.

— Но зачем? — спросила Зои, вытирая слёзы. — Зачем она хотела, чтобы мы стали ведьмами? Она же знала, что Лилиан вернётся.

— Она хотела, чтобы мы смогли защитить себя, — ответила Эмили. — Потому что если мы не будем ведьмами, мы будем просто людьми. А люди против Лилиан не выживут.

Она взяла лампу и подошла к разбитому зеркалу. Осколки всё ещё лежали на полу, но в них больше не отражалась девочка. Только их собственные лица, искажённые трещинами. Эмили наклонилась и подняла один крупный осколок, поворачивая его в руке. Её отражение смотрело на неё — обычное, уставшее, но её собственное.

— Что ты делаешь? — спросила Мэй, подходя ближе.

— Я проверяю, — ответила Эмили. — Бабушка сказала не доверять отражениям. Но мы должны знать, когда они перестают быть нашими.

Она заглянула в осколок на несколько секунд, и вдруг, в глубине стекла, она увидела мелькнувшее лицо — не её, а то, другое, которое она видела в видении. Элизабет. Её прошлая жизнь. Женщина с тёмными глазами и волевым подбородком, стоящая у костра. Она что-то шептала, но Эмили не могла разобрать слов.

— Эмили? — голос Зои вывел её из транса. — Ты зависла.

Эмили моргнула. Отражение исчезло. Она отбросила осколок, и тот разбился на мелкие кусочки.

— Всё в порядке. Просто... я видела её.

— Кого? — спросила Мэй.

— Себя. В прошлой жизни. Она была... — Эмили замолчала, подбирая слова. — Она была похожа на меня, но старше. Злее. И она смотрела на Лилиан не с сожалением, а с гневом. Бабушка сказала, что голоса могут лгать. Но что, если они говорят правду? Что, если мы действительно хотели убить Лилиан?

Зои встала и подошла к книге, перелистывая страницы. На одной из них был рисунок — три фигуры, стоящие над четвёртой, распростёртой на земле. Сверху — символы, похожие на те, что горели у них на запястьях.

— Здесь написано, — сказала она, проводя пальцем по строчкам, — «Сестра-изгнанница была сильнее всех, но её сила питалась страхом. Три сестры заключили союз, чтобы обуздать её, но цена была высока. Они отдали свои чувства — свои лучшие воспоминания — чтобы запечатать её в зеркале». Так вот почему бабушка сказала не доверять отражениям! Лилиан заперта в зеркалах!

— Но она уже вышла, — возразила Мэй. — Она говорила с бабушкой через зеркало, она была в моём видении, она здесь, в этом доме. Печать сломана.

— Потому что мы её сломали, — сказала Эмили, и её голос дрогнул. — Мы открыли подвал. Мы активировали книгу. Мы дали ей ключ. Мы — дуры.

Она опустила на стул, закрывая лицо руками. Впервые за долгие годы она почувствовала себя беспомощной. В суде она всегда знала, что делать: аргументы, факты, логика. Но здесь не было ни фактов, ни логики. Здесь была магия, проклятия и мёртвые сёстры, которые хотели украсть её тело.

— Мы не дуры, — сказала Мэй, садясь рядом и кладя руку ей на плечо. — Мы не знали. Бабушка не рассказала нам заранее, потому что если бы она рассказала, мы бы не поверили. Она ждала момента, когда у нас не будет выбора.

Зои подошла к ним и села на пол, обхватив колени руками. Она больше не плакала — в её глазах горела решимость.

— Хорошо. Допустим, мы ведьмы. Что дальше? Как нам победить Лилиан?

— Мы должны стать сильнее, — ответила Эмили, поднимая голову. — Мы должны научиться контролировать свои дары. И мы должны найти уязвимость Лилиан. Если она была запечатана в зеркалах триста лет, значит, есть способ запечатать её снова.

— Или уничтожить, — мрачно добавила Мэй.

Они сидели втроём, глядя на книгу, как на карту сокровищ. Внезапно Эмили почувствовала странное тепло в груди — не неприятное, а скорее зовущее. Она протянула руку к книге, и страница перевернулась сама собой. Там было написано одно предложение, крупными буквами:

«Сила просыпается через эмоцию. Первый раз — всегда случайность».

— Случайность, — прошептала Эмили. — Сегодня утром я проиграла все дела. Это была не случайность.

— А у меня экран засветился и показал лицо девочки, — добавила Зои. — Я хотела выключить ноутбук, но он не реагировал.

— А я видела последние минуты жизни бабушки, — сказала Мэй. — Но я не хотела этого. Это случилось само.

— Значит, наши силы уже проявляются, — подытожила Эмили. — Мы просто не знаем, как ими управлять. Нам нужно практиковаться.

Она закрыла книгу и встала.

— Давайте попробуем. Прямо сейчас.

Зои испуганно посмотрела на неё:

— Ты с ума сошла? Мы не знаем, что делаем!

— Мы узнаем. — Эмили взяла лампу и поставила её в центр комнаты. — Я хочу, чтобы каждая из нас попыталась использовать свою силу. Сознательно. Зои, у тебя электричество. Попробуй включить свет.

— Как?

— Я не знаю. Просто... попробуй. Подумай о свете. О том, что ты хочешь, чтобы он загорелся.

Зои зажмурилась, сжала кулаки и сосредоточилась. Но ничего не произошло. Она открыла глаза и разочарованно выдохнула.

— Не работает.

— Попробуй отдать что-то, — сказала Мэй, вспоминая слова бабушки. — Эмоцию. Бабушка писала, что магия требует жертвы. Ты должна отдать что-то из своих чувств.

Зои задумалась. Она закрыла глаза снова, и теперь попыталась вспомнить что-то, что вызывало у неё сильную эмоцию. Она вспомнила свой последний стрим, когда она смеялась над шуткой зрителя, когда была счастлива. Она представила этот смех, эту радость, и мысленно отправила её в лампу.

Свет в комнате моргнул. Лампа закачалась, и на мгновение зажглась ярче, но тут же погасла до прежнего уровня.

— Получилось! — воскликнула Зои, открывая глаза. — Я почувствовала, как что-то ушло. Как будто кусочек меня вытек.

— Ты стала более... плоской? — спросила Мэй, вглядываясь в лицо сестры.

Зои прислушалась к себе. Она действительно чувствовала странную пустоту — не депрессию, не грусть, а именно отсутствие той лёгкости, которая была у неё пять минут назад. Она перестала улыбаться. Её лицо стало серьёзным, почти мрачным.

— Да, — сказала она тихо. — Я отдала свою радость. И теперь я не могу её вернуть.

Эмили посмотрела на неё с тревогой, но ничего не сказала. Вместо этого она подошла к столу, взяла спички и подбросила одну в воздух. Она сосредоточилась на спичке, на её падении, и представила, что она должна упасть другим концом вниз. Она отдала часть своего гнева — гнева на себя за то, что не видела бабушку три года.

Спичка замедлила падение, кувыркнулась в воздухе и упала вертикально, воткнувшись в деревянный стол.

— Фокус, — пробормотала Зои, но в голосе её не было насмешки.

— Нет, — сказала Эмили. — Это не фокус. Я изменила вероятность. Я сделала так, что шанс упасть именно так стал стопроцентным.

Она посмотрела на свою руку. Руна на запястье стала тусклее, почти серой. Она почувствовала ту же пустоту, что и Зои — её гнев ушёл, оставив после себя холодное спокойствие.

— Теперь ты, Мэй, — сказала она. — Твоя сила — некромантия. Попробуй услышать кого-то. Кого угодно. Может быть, бабушку.

Мэй заколебалась.

— Я не знаю, хочу ли я этого. Что, если я услышу не её?

— Ты должна попробовать. Мы должны знать.

Мэй закрыла глаза. Она протянула руку и коснулась поверхности стола, на котором стояла лампа. Она подумала о бабушке, о её тёплых руках, о запахе её духов, о том, как она читала им сказки на ночь. Она вспомнила, как бабушка гладила её по голове и говорила: «Ты особенная, Мэй, не бойся быть собой». И она отдала свою печаль — ту горечь, которую носила в сердце, думая, что её бросили.

На секунду ничего не произошло. Затем, на грани слышимости, раздался шёпот:

«Мэй... ты здесь... как я рада...»

Мэй распахнула глаза, и по её лицу потекли слёзы.

— Она здесь. Она говорит со мной. Она говорит, что гордится нами.

— Что ещё она говорит? — спросила Эмили, подходя ближе.

— Она говорит, что мы должны быть осторожны. Она говорит, что Лилиан сильнее, когда мы разделены. Она говорит, что мы должны доверять друг другу, даже если это трудно. — Мэй замолчала, вслушиваясь в шёпот. — И ещё... она говорит, что Лилиан уже выбрала тело. Но она не скажет, чьё. Потому что если мы узнаем, мы будем бояться, а страх делает нас слабее.

Эмили сжала кулаки. Это было то, чего она боялась больше всего — неизвестность. Она могла бороться с врагом, которого знала, но с врагом, который прятался внутри одной из них? — Спроси её, как запечатать Лилиан, — сказала она. — Мы должны знать.

Мэй закрыла глаза снова. Шёпот стал громче, но она не могла разобрать слова — они сливались в какофонию голосов, мужских и женских, старых и молодых.

«Много голосов... — прошептала она. — Они говорят одновременно. Я не могу... Я слышу всех мёртвых, которые когда-либо умирали в этом доме...»

Она отдернула руку от стола, как от ожога. Её глаза расширились от ужаса.

— Их десятки. Сотни. Они здесь. Они все здесь. Они не ушли. — Мэй затряслась. — Они заперты в зеркалах. Все они — жертвы Лилиан. Она забирает их души и держит в отражениях, как в тюрьме.

— Выходит, когда мы разбили зеркало в прихожей, мы выпустили их? — спросила Зои, бледнея.

— Я не знаю. Может быть. Или, может быть, мы просто открыли дверь для Лилиан. Но они все здесь. И они боятся её. — Мэй посмотрела на Эмили, и в её глазах был ужас. — Она не просто дух. Она — коллекционер. Она питается душами, которые забирает. Чем больше душ, тем она сильнее.

Эмили почувствовала, как внутри неё разрастается холод. Она взяла книгу и открыла её на последней странице. Там был рисунок — дерево с тремя ветвями, которые сходились в один ствол, и четвёртая ветвь, отломленная и чёрная. Под рисунком было написано:

«Чтобы победить изгнанницу, три сестры должны принять свою тень. Та, что сильнее всех, должна стать сосудом. Но сосуд не выживает».

— Сосуд, — прочитала она вслух. — Кто-то должен стать сосудом для Лилиан, чтобы запечатать её.

— То есть, кто-то из нас должен умереть? — спросила Зои, и голос её был едва слышен.

— Или потерять себя, — тихо сказала Мэй. — Стать пустым. Отдать всю свою личность.

Они переглянулись. В их глазах читался один и тот же страх. Никто из них не хотел быть сосудом. Но они знали, что если не выберут жертву, Лилиан выберет сама.

В этот момент часы на стене пробили полночь. Бой часов был громким, резким, и каждый удар отдавался в груди. И вместе с последним ударом раздался голос — нежный, почти ласковый, но от которого по коже бежали мурашки:

«Сосуд уже выбран, сёстры. Я слышу ваши страхи. И я вижу ваши души. Та, что молчит, — самая слабая. Та, что плачет, — самая уязвимая. Но та, что злится... — голос засмеялся, и смех раздался из всех углов комнаты одновременно, — та, что злится, будет моей».

Эмили повернулась к разбитому зеркалу в гостиной. В осколках отражалась не она, а та, другая — Лилиан. Девочка улыбалась, и в её улыбке было торжество.

— Ты злишься, Эмили. Ты всегда злишься. Ты носишь гнев как доспех. Но я сниму его. Я сорву его, как кожу, и надену на себя.

Эмили шагнула вперёд, сжимая книгу в руках.

— Ты не получишь меня, — сказала она, хотя голос её дрожал. — Я не позволю.

— О, — Лилиан наклонила голову, и в её пустых глазах заплясали огоньки. — Но ты уже позволила. Ты открыла подвал. Ты коснулась книги. Ты дала мне свой гнев, когда использовала силу. И теперь я внутри тебя. Я — твой гнев. Я — твоя ярость. Я — всё то, что ты не хочешь признать.

Эмили почувствовала, как внутри неё что-то шевельнулось — тёмное, горячее, как раскалённый уголь. Это было не её чувство. Это была Лилиан. Она пряталась в её гневе, как в убежище.

— Выгони её! — закричала Зои. — Эмили, выгони её!

— Я не могу! — закричала Эмили в ответ. — Она слишком глубоко!

Мэй шагнула к ней и схватила за руку. Её ладонь обожгла холодом, и Эмили почувствовала, как ярость внутри неё ослабевает.

— Я забираю часть твоего гнева, — сказала Мэй. — Я отдаю свою печаль. Мы балансируем. Так работает магия, помнишь?

Эмили почувствовала, как ледяное спокойствие Мэй смешивается с её собственным гневом. Ярость отступила, но Лилиан улыбнулась напоследок:

«Хорошая попытка, сёстры. Но вы не сможете делить эмоции вечно. В конце концов, кто-то устанет. Кто-то опустошит себя. И тогда я войду.»

Голос исчез. Часы перестали бить. В комнате стало тихо, только дождь стучал по окнам.

Эмили упала на колени, тяжело дыша. Её руки тряслись. Она чувствовала, как Лилиан — как крошечное насекомое — затаилась где-то глубоко внутри, в том месте, где рождается гнев. И она знала, что если она разозлится снова, та вылезет наружу.

— Мы должны контролировать свои эмоции, — сказала она, поднимая голову. — Мы не можем позволить себе гнев, страх или печаль. Она использует их как двери.

— Это невозможно, — сказала Зои. — Мы люди. Мы не можем не чувствовать.

— Мы не люди, — мрачно ответила Эмили. — Мы ведьмы. И нам нужно научиться быть выше этого.

Она встала и подошла к окну. Дождь лил стеной, заливая стекло, но в отражении она видела только себя — уставшую, бледную, но всё ещё свою.

— Завтра мы начнём готовиться, — сказала она, не оборачиваясь. — Будем изучать книгу, тренироваться, искать способ избавиться от Лилиан. Мы не позволим ей победить.

— А что, если она уже победила? — спросила Мэй, и в её голосе звучала бесконечная усталость.

Эмили повернулась к сёстрам. Её глаза горели решимостью, но на дне их затаился страх — тот самый, которого она не могла отдать, потому что боялась, что если отдаст его, Лилиан выйдет наружу.

— Мы не дадим ей победить, — сказала она. — Мы — семья. И семья не сдаётся.

Зои и Мэй подошли к ней. Они стояли втроём, глядя на дождь за окном, на свои отражения, которые больше не казались им чужими. Они знали, что Лилиан всё ещё здесь, что она ждёт своего часа. Но в этот момент они были вместе.

Лампа на столе погасла. Они остались в темноте, и в темноте снова раздался смех — но теперь он был тише, почти уважительный.

«Семья, — прошептала Лилиан. — Это так мило. Но у меня тоже была семья. И я знаю, как легко она рушится. Спокойной ночи, сёстры. Увидимся в ваших снах.»

Эмили закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Увидимся.

Она знала, что заснуть будет невозможно, но она также знала, что должна попытаться. Потому что завтрашний день будет тяжёлым. И им нужны были силы.

И когда она, наконец, закрыла глаза, чувствуя, как руки сестёр сжимают её ладони, она услышала голос бабушки, который прозвучал в её голове тихо и отчётливо:

«Ты сильнее, чем думаешь, Эмили. Но сила без любви — это тьма. Не забывай об этом».

Эмили открыла глаза и посмотрела в темноту. Она не знала, был ли это голос бабушки или очередная уловка Лилиан. Но что-то в этом голосе было правильным, настоящим, тёплым.

И она решила поверить.

Глава 3. Тени прошлого

Эмили не спала. Она лежала на узкой кровати в своей старой комнате, глядя в потолок, и слушала, как дождь стучит по черепице. Второй час ночи, третий — время тянулось бесконечно. Она закрывала глаза, но стоило ей провалиться в дремоту, как перед внутренним взором вспыхивало лицо Лилиан. Девочка стояла в центре её сознания, улыбалась и шептала: «Ты моя, Эмили. Ты всегда была моей».

Эмили села, включила лампу на тумбочке (она взяла её из гостиной, боясь оставаться в темноте) и посмотрела на свои руки. Руна на запястье потускнела, но не исчезла. Она чувствовала её как слабый ожог, напоминание о том, что случилось в подвале. Всё это было реально — книга, голоса, магия. Она не могла списать это на стресс или усталость.

Она встала, накинула халат и вышла в коридор. Особняк ночью был другим — тени здесь двигались сами, скрипы раздавались там, где никто не ходил, а в углах мерещились фигуры, которые исчезали, стоило на них взглянуть. Эмили прошла к комнате Зои и приоткрыла дверь. Сестра спала, свернувшись калачиком, и во сне её лицо было испуганным, пальцы судорожно сжимали край одеяла. Рядом, на стуле, лежал выключенный телефон — Зои не рискнула заряжать его сегодня.

Мэй не спала. Она сидела в гостиной, перед камином, в который кто-то (вероятно, она сама) зажёл огонь. Она читала Книгу Теней, и её лицо было спокойным, почти медитативным.

— Ты тоже не можешь уснуть? — спросила Эмили, входя в комнату.

Мэй подняла голову и кивнула.

— В моей комнате слишком много голосов. Я слышу их, даже когда не касаюсь ничего. Старые стены помнят слишком много.

Эмили села напротив неё и посмотрела на книгу.

— Что ты там нашла?

— Многое. — Мэй перелистнула страницу. — Здесь есть заклинания, но они не простые. Каждое требует эмоциональной платы. Чтобы, например, создать защитный барьер, нужно отдать страх. Чтобы увидеть прошлое — сожаление. А чтобы призвать духа — нужно отдать частичку своей памяти.

— Бабушка писала, что мы можем стать пустыми, если отдадим слишком много.

— Да. И это пугает меня больше всего. — Мэй закрыла книгу и посмотрела на Эмили. — Мы не знаем, как восполнять эмоции. Может быть, со временем они возвращаются? Или мы навсегда останемся с дырами внутри?

Эмили не знала ответа. Она вспомнила, как отдала свой гнев — и теперь чувствовала странную опустошённость, как будто часть её личности была стёрта. Она не злилась на бабушку за то, что та не рассказала им правду, не злилась на себя за то, что не приезжала три года. Она просто... не чувствовала ничего.

— Мы справимся, — сказала она, больше для себя, чем для Мэй. — Мы должны.

Они сидели молча, глядя на огонь. В камине потрескивали дрова, и Эмили заметила, что пламя иногда меняет цвет — становится зелёным на мгновение, затем снова оранжевым. Она не стала комментировать. В этом доме всё было странным.

Утро пришло с серым, мрачным небом. Дождь не прекратился, и свет проникал в комнаты только сквозь плотные шторы, создавая полумрак. Зои проснулась позже всех, вышла из комнаты с растрёпанными волосами и сразу направилась к кофеварке, но она не работала.

— Электричество отключили, — сказала Мэй, стоя у плиты. — Я грею воду на газе.

— Здесь есть газ? — удивилась Зои.

— Мы в старом доме, — ответила Эмили. — Бабушка не доверяла современным удобствам. Она говорила, что они делают людей ленивыми.

Зои села за стол и положила голову на руки.

— Я видела её во сне. Лилиан. Она сидела в моей стримерской комнате, смотрела в камеру и говорила: «Твои подписчики не знают, что ты ведьма. Но скоро узнают». Я проснулась в холодном поту.

— Мне она тоже снилась, — сказала Мэй. — Она показывала мне костёр. Я стояла там, в прошлой жизни, и смотрела на неё. Я хотела крикнуть, но не могла. Я молчала.

— Мне она не снилась, — сказала Эмили, и сёстры с удивлением посмотрели на неё. — Потому что она уже здесь. Внутри меня.

Она говорила это без эмоций — спокойно, почти безразлично. И это было страшнее крика.

— Ты чувствуешь её? — спросила Зои, подходя ближе.

— Да. Она затаилась там, где мой гнев. Я не могу злиться, потому что если разозлюсь, она выйдет наружу. Но я также не могу быть спокойной, потому что она всё равно там. И она ждёт.

Эмили взяла чашку с горячим чаем, который ей протянула Мэй, и сделала глоток. Чай был горьким — она забыла положить сахар.

— Мы должны тренироваться, — сказала она, ставя чашку на стол. — Сегодня же. Мы не можем ждать, пока она станет сильнее. Мы должны научиться контролировать свои силы, чтобы использовать их против неё.

— Как мы это сделаем? — спросила Зои. — У нас нет учителя.

— Книга — наш учитель, — ответила Мэй, показывая фолиант. — Здесь есть базовые упражнения. Первое — научиться вызывать силу по желанию, не только в моменты стресса. Второе — научиться отдавать эмоции осознанно, чтобы не опустошать себя полностью. Третье — создать круг защиты, который не пропустит Лилиан.

— И с чего мы начнём? — спросила Эмили.

— С первого. — Мэй открыла книгу на заложенной странице. — Каждая из нас должна попытаться вызвать свою силу без эмоциональной платы. Просто ощутить её. Понять, где она живёт внутри.

Зои фыркнула:

— Это как пытаться нажать на кнопку, которой нет.

— Кнопка есть, — сказала Эмили. — Ты её уже нажимала, когда случайно зажигала свет. Просто теперь ты должна сделать это сознательно.

Они перешли в гостиную, самую просторную комнату в доме. Эмили закрыла все шторы, чтобы уменьшить количество отражений, и зажгла свечи, расставив их по углам. В комнате стало светло, но по-прежнему мрачно.

— Начнём с тебя, Зои, — сказала Эмили. — Твоя сила — электричество. Попробуй включить одну из этих свечей. Точнее, зажги её силой мысли.

— Это же свеча, — возразила Зои. — Она не электрическая.

— Просто попробуй. Сосредоточься на огне. Представь, что он уже горит.

Зои подошла к свече, стоящей на каминной полке, и уставилась на фитиль. Она нахмурилась, сжала кулаки, и — ничего.

— Не выходит.

— Ты отдаёшь что-то? — спросила Мэй.

— Я пытаюсь не отдавать. Ты же сказала, сначала попробовать без платы.

— Может быть, для первого раза нужно отдать, — сказала Эмили. — Попробуй снова, но вспомни что-то, что вызывает у тебя сильную эмоцию. Что-то положительное.

Зои закрыла глаза. Она вспомнила свой последний стрим, как зрители писали в чате смешные комментарии, как она смеялась до слёз, как была счастлива. Она почувствовала, как внутри закипает радость, и мысленно направила её на фитиль.

Фитиль задымился, но не загорелся.

— Почти, — сказала Мэй. — Ещё раз.

Зои повторила попытку. На этот раз фитиль вспыхнул ярким оранжевым пламенем, и свеча загорелась. Зои открыла глаза и улыбнулась — но улыбка быстро погасла. Она снова почувствовала ту же пустоту, что и вчера.

— Я отдала ещё одну часть своей радости, — сказала она, и голос её стал глухим. — Она ушла. И я чувствую себя... пустой.

— Ты должна научиться дозировать, — сказала Эмили. — Не отдавать всю эмоцию сразу, а только её часть. Попробуй ещё раз, но отдай не всю радость, а половину.

— Как отдать половину? — растерялась Зои. — Я не могу измерить свои чувства.

— Представь, что твоя эмоция — это вода в стакане, — сказала Мэй. — Ты можешь вылить только часть, оставив остальное. Попробуй.

Зои закрыла глаза снова. Она сфокусировалась на ощущении радости, которая всё ещё теплилась в груди — слабая, почти угасшая, но ещё живая. Она представила, что эта радость — вода, и мысленно перелила её из стакана в ладонь, оставив в стакане половину.

Свеча мигнула — пламя стало ярче, затем стабилизировалось.

— Получилось, — прошептала Зои, открывая глаза. — Я чувствую... что-то осталось. Немного, но осталось.

Эмили кивнула:

— Хорошо. Теперь моя очередь.

Она подошла к столу, на котором лежала колода старых карт. Бабушка играла в пасьянс, и карты лежали там с её смерти — никто не трогал их. Эмили взяла карту, перевернула её. Это была пиковая десятка. Она сосредоточилась, вспоминая свой гнев на судей, на несправедливость, на жизнь, которая всегда была к ней жестока. Она отдала не весь гнев, а только искру, только начало. И карта в её руках изменилась. Она стала червонной дамой.

— Я изменила реальность, — сказала она, показывая карту сёстрам. — Вероятность того, что пиковая десятка превратится в червонную даму, равна нулю. Но я сделала это возможным.

— И что ты чувствуешь? — спросила Мэй.

— Потерю. Но не большую. Я отдала только частицу гнева. Он вернётся, я думаю. Через время. Как мышцы восстанавливаются после тренировки.

— Теперь ты, Мэй, — сказала Зои, садясь на диван. — Твоя очередь.

Мэй колебалась. Она знала, что её сила была самой тёмной из всех — некромантия, связь с мёртвыми. Она боялась её так же, как боялась своей прошлой жизни. Но она знала, что должна попробовать.

Она подошла к столу и коснулась деревянной поверхности. Она не стала вызывать голос бабушки — это было слишком рискованно. Вместо этого она попыталась просто почувствовать присутствие умерших, ощутить их энергию, как она делала в морге.

— Я слышу их, — сказала она, закрывая глаза. — Много голосов. Они не говорят со мной, но они есть. Они знают, что я здесь.

— Можешь позвать кого-то конкретного? — спросила Эмили. — Например, ту женщину, которая умерла в этом доме до нас?

Мэй сосредоточилась. Она представила старую фотографию, которую видела в холле, — женщину в платье викторианской эпохи, с холодными глазами и гордой осанкой. Она отдала частичку своей печали — не той, что была связана с бабушкой, а той, что была связана с её собственным одиночеством.

Голоса стихли, и вместо них раздался один — чёткий, ясный, женский:

«Кто зовёт меня?»

— Меня зовут Мэй, — ответила она вслух. — Я внучка Маргарет Уэст. Я хочу узнать о Лилиан.

Голос засмеялся — не злобно, а скорее иронично:

«Ах, Лилиан. Она была моей горничной. Я видела, как её сжигали на костре. Она кричала так громко, что её голос слышали во всём графстве. А сёстры стояли и молчали. Они смотрели, как горит их собственная кровь».

— Почему они молчали? — спросила Мэй.

«Потому что боялись. Лилиан была сильнее их всех. Она могла управлять не одной стихией, а тремя. Она была ребенком, но её сила была безграничной. Они испугались, что она уничтожит их. Поэтому они отдали её инквизиции».

Голос стих. Мэй открыла глаза, и сёстры увидели, что её лицо побледнело ещё больше.

— Она была не просто ведьмой, — сказала Мэй. — Она была могущественнее нас. Она могла управлять несколькими стихиями. Мы — только одну.

— Тогда как нам победить её? — спросила Зои, вскакивая с дивана. — Если она сильнее?

— Мы не победим её силой, — ответила Эмили. — Мы должны использовать хитрость. И баланс. Если мы будем работать вместе, мы сможем создать круг, который запечатает её. Книга говорит об этом.

Она открыла книгу и показала страницу:

«Круг Соединения. Три ведьмы, стоящие в равностороннем треугольнике, могут создать барьер, непроницаемый для любой сущности. Но для этого каждая должна отдать свою самую сильную эмоцию — радость, гнев и печаль — и направить их в одну точку. Цена: все три эмоции теряются навсегда».

— Навсегда? — прошептала Зои. — Мы перестанем чувствовать радость, гнев и печаль?

— Да. Мы станем эмоциональными инвалидами, — сказала Эмили. — И это лучший вариант.

Они замолчали. Мысль о том, чтобы потерять свои эмоции, была ужасной. Радость делала Зои тем, кем она была, — живой, яркой, общительной. Гнев был топливом Эмили, её двигателем, её силой. Печаль Мэй была её глубиной, её связью с мёртвыми.

— Мы не можем этого сделать, — сказала Мэй. — Мы потеряем себя.

— Мы потеряем себя, если Лилиан войдёт в одну из нас, — ответила Эмили. — Тогда мы потеряем всё. Выбирайте.

Зои встала и подошла к окну, раздвинув штору. Дождь всё ещё шёл, и в каплях на стекле она видела своё отражение — уставшее, испуганное, но всё ещё её.

— А что, если есть другой способ? — спросила она. — Мы не все должны отдавать эмоции. Может быть, мы можем отдать что-то другое. Что-то материальное.

— Книга не говорит об этом, — сказала Мэй.

— Но книга не говорит, что это невозможно! — Зои повернулась к ним, и в её глазах загорелся огонь — тот самый, который делал её бунтаркой. — Мы можем найти другой путь. Мы ведьмы, верно? Мы можем творить реальность. Почему мы должны следовать правилам, написанным кем-то, кто умер триста лет назад?

Эмили задумалась. В словах Зои была логика. Правила магии были установлены теми, кто жил в прошлом, кто боялся Лилиан, кто хотел её уничтожить. Возможно, они просто не нашли другого способа.

— Ты права, — сказала она, наконец. — Мы не обязаны следовать правилам. Мы можем попытаться изменить их. Но для этого нам нужно больше информации. И больше силы.

— Откуда мы её возьмём? — спросила Мэй.

— В этом доме много секретов, — ответила Эмили. — Бабушка жила здесь тридцать лет после того, как нашла нас в приюте. Она знала о нашей судьбе. Она готовилась. Значит, она оставила что-то ещё. Не только книгу и ключ.

— Мы должны обыскать дом, — сказала Зои. — Каждую комнату, каждый ящик, каждую половицу.

— И мы должны делать это вместе, — добавила Мэй. — Если мы разделимся, Лилиан может напасть на одну из нас.

Они решили начать с кабинета бабушки. Комната, расположенная в конце коридора на втором этаже, была заперта, но ключ висел на гвозде рядом с дверью. Когда Эмили повернула его в замке, она услышала, как внутри что-то упало — видимо, книга или коробка, стоявшая на краю стола.

Они вошли. Кабинет был маленьким, заставленным стеллажами с книгами — не магическими, а обычными, романами, энциклопедиями, дневниками. На столе лежала чернильница, перо и стопка бумаги. Бабушка писала письма, даже когда все перешли на электронную почту.

Эмили провела рукой по корешкам книг. Некоторые были старыми, с пожелтевшими страницами, другие — современными, с яркими обложками. Она искала что-то необычное, что-то, что могло быть тайником.

— Смотрите, — сказала Зои, указывая на картину на стене. — Она висит криво.

Она подошла и сняла картину. За ней был небольшой сейф, вделанный в стену. Сейф был с кодовым замком, но на нём была записка: «День, когда я нашла вас, — без нулей».

— День, когда она нашла нас, — прошептала Мэй. — Это тот день, когда мы попали в приют. 12 августа 1998 года.

Эмили набрала код: 12081998. Сейф щёлкнул и открылся. Внутри лежал конверт, старая фотография и амулет — серебряный кулон с руной, такой же, как на их браслетах.

Эмили взяла конверт и вскрыла его. Там было письмо, написанное мелким, аккуратным почерком бабушки:

«Дорогие мои девочки. Если вы читаете это, значит, вы уже знаете правду о себе. Я писала это письмо в день, когда впервые увидела вас в приюте — три девочки, которые молчали, но в глазах, которых горел огонь. Я знала, что вы — те, кого я ждала. Те, кто должен закончить то, что началось триста лет назад.

В этом сейфе вы найдёте амулет, который поможет вам видеть Лилиан даже в зеркалах. Наденьте его на себя, и она не сможет прятаться от вас.

Также вы найдёте фотографию — это последняя фотография, которая была сделана в день казни. На ней — место, где похоронено тело Лилиан. Если вы найдёте её останки и сожжёте их вместе с амулетом, вы сможете освободить её душу. Это не убьёт её, но ослабит.

И помните: вы сильнее, когда вместе. Но вы слабее, когда не доверяете друг другу. Лилиан будет пытаться стравить вас. Не дайте ей этого.

Люблю вас. Всегда».

Эмили передала письмо сёстрам. Они прочитали его молча, и каждая чувствовала, как внутри поднимается волна эмоций — любовь к бабушке, благодарность, но также и страх.

— Мы должны найти её останки, — сказала Зои. — Если мы сожжём их, она станет слабее.

— Но где они похоронены? — спросила Мэй. — Фотография — это только доказательство, что они существуют. Нам нужно знать место.

Они посмотрели на фотографию. На ней был костёр, пылающий, и вокруг — толпа людей. В центре, почти незаметная, была фигура маленькой девочки. И под фотографией бабушка приписала карандашом: «Ведьмин холм, Чикаго, 1692 год».

— Ведьмин холм, — прочитала Мэй. — Я слышала об этом месте. Это в пригороде. Старое кладбище, где хоронили ведьм.

— Мы поедem туда, — сказала Эмили. — Сегодня же.

— Но дождь! — возразила Зои.

— Дождь нам не помеха. Чем дольше мы ждём, тем сильнее становится Лилиан. Я чувствую, как она шевелится внутри меня. Она знает, что мы нашли сейф.

Эмили подошла к зеркалу в кабинете (она не заметила его раньше) и посмотрела в него. В отражении она увидела себя, но на мгновение её лицо исказилось — стало моложе, с более острыми чертами, и в углах губ застыла тонкая улыбка.

— Ты не получишь нас, — сказала она отражению. — Мы уничтожим твои останки.

Голос Лилиан раздался из зеркала, но он был слабым, как будто издали:

«Ты опоздала, Эмили. Я уже не только в тебе. Я в каждой капле дождя. Я в каждом отражении. Я повсюду. Ты можешь сжечь мои кости, но ты не сожжёшь мою волю».

Эмили разбила зеркало кулаком. Осколки посыпались на пол, и один из них порезал её руку. Она сжала рану, чувствуя, как кровь стекает по ладони.

— Мы едем, — сказала она, не оборачиваясь. — Собирайтесь.

Они вышли из кабинета, оставив осколки на полу. И когда Эмили закрывала дверь, она услышала, как из комнаты донесся смех — тихий, почти незаметный, но от которого кровь стыла в жилах.

«Игра продолжается, сёстры. Я люблю игры. Вы даже не представляете, как я люблю их».

Эмили сжала кулак, и руна на её запястье вспыхнула ярче. Она посмотрела на амулет, который взяла из сейфа, и надела его на шею. Металл был холодным, но она чувствовала, как он защищает её от чего-то невидимого, от чего-то, что пыталось проникнуть в её сознание.

— Мы победим, — сказала она сёстрам, и голос её был твёрже, чем она себя чувствовала. — Мы не позволим ей разрушить нас.

Они вышли в коридор, и дождь за окном стал сильнее. Эмили знала, что Ведьмин холм будет мрачным и опасным местом. Но она также знала, что другого выбора у них нет.

И когда они спускались по лестнице, она услышала голос бабушки — тот самый, тёплый и спокойный:

«Ты сильнее, чем думаешь, Эмили. Но сила без любви — это тьма. Помни, я всегда с тобой».

Эмили улыбнулась — впервые за последние дни. И шагнула в дождь, чувствуя, как сёстры идут рядом.

Глава 4. Ведьмин холм

Дождь не стихал ни на минуту. Он барабанил по крыше старого «шевроле», который Эмили арендовала в аэропорту, заливал лобовое стекло сплошной пеленой, и дворники едва справлялись с потоком воды. Эмили вела машину, сжимая руль так сильно, что побелели костяшки. Рядом с ней, на пассажирском сиденье, сидела Зои и смотрела в навигатор, который работал с перебоями — стрелка прыгала, экран мерцал, словно кто-то на том конце провода играл с сигналом.

— Мы почти приехали, — сказала Зои, хотя её голос звучал неуверенно. — Навигатор показывает, что поворот должен быть через пятьсот метров.

— Я не вижу никакого поворота, — ответила Эмили, всматриваясь в дождливую мглу. — Только лес.

Сзади, на заднем сиденье, сидела Мэй. Она молчала, прижимая к груди Книгу Теней, и смотрела в окно. Её лицо было бледным, почти прозрачным в сером свете, и казалось, что она не здесь, а где-то далеко, в мире мёртвых, который открывался ей с каждым прикосновением к книге.

— Я чувствую их, — сказала Мэй тихо. — Они здесь. Под землёй. Много. Очень много.

— Кого? — спросила Эмили, не сводя глаз с дороги.

— Ведьм. Тех, кого сожгли. Их кости лежат под этим холмом, и они знают, что мы едем. Они ждут нас. — Мэй помолчала и добавила: — Но некоторые из них не хотят нас видеть. Они боятся нас.

— Почему боятся? — спросила Зои, оборачиваясь.

— Потому что мы — те, кто предал Лилиан. Они помнят. Они помнят, что мы стояли и смотрели. Они помнят, что мы не заступились.

Эмили сжала руль ещё сильнее. Она не хотела думать о прошлом, о той жизни, которую она не помнила, но которая теперь тяготила её, как груз на плечах. Она чувствовала, как внутри неё шевелится Лилиан — не гнев, не страх, а что-то более тёмное, более древнее. Древняя ненависть, которая питалась её собственными сомнениями.

— Мы не те люди, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Мы изменились. Мы не повторим ту же ошибку.

— Но она думает иначе, — возразила Мэй. — И она будет использовать это против нас.

Машина свернула на просёлочную дорогу, которая почти скрывалась под слоем грязи и листьев. Колеса забуксовали, но Эмили нажала на газ, и машина вырвалась вперёд. Лес с обеих сторон смыкался, ветви деревьев нависали над дорогой, создавая туннель, в котором царил полумрак. Дождь здесь не прекращался — он стекал по листьям, по стволам, по земле, превращая дорогу в болото.

— Смотрите! — воскликнула Зои, указывая вперёд. — Ворота.

В конце дороги виднелась старая кованая ограда, покрытая ржавчиной. Ворота были закрыты, но на них висел амбарный замок, который, казалось, не открывали десятилетиями. За оградой виднелся холм — пологий, поросший травой и кустарником, увенчанный старым дубом, ветви которого тянулись к небу, как скрюченные пальцы.

Эмили остановила машину у ворот и выключила двигатель. В салоне воцарилась тишина — только дождь барабанил по крыше, создавая монотонный ритм.

— Мы приехали, — сказала она.

Они вышли из машины, и дождь сразу промочил их до нитки. Зои зажмурилась, подставляя лицо потокам воды, будто пытаясь смыть с себя страх. Мэй накинула капюшон и прижала книгу к груди, защищая её от влаги. Эмили подошла к воротам и дёрнула замок — он не поддался.

— Как мы попадём внутрь? — спросила Зои.

— Сила, — сказала Мэй. — Ты можешь открыть его, Зои. Твоя сила — электричество. Представь, что замок — это механизм, который нужно разрядить. Разрушь его изнутри.

Зои подошла к воротам и положила ладонь на замок. Она закрыла глаза, пытаясь почувствовать металл, его структуру, его сопротивление. Она вспомнила, как вчера зажгла свечу, как отдала частицу радости. Теперь она должна была отдать что-то другое — может быть, надежду? Она не знала. Но она отдала страх — тот самый страх, который грыз её с того момента, как она увидела лицо Лилиан на экране.

Страх вытек из неё, и в тот же миг замок вспыхнул голубой искрой. Металл заскрежетал, расплавился и упал на землю. Ворота со скрипом открылись.

— Получилось, — прошептала Зои, но в голосе её не было радости. Вместо неё была пустота. Она отдала страх, и теперь чувствовала себя странно бесстрашной, но не освобождённой — просто онемевшей.

Эмили положила руку ей на плечо.

— Ты справилась. Идём.

Они вошли на территорию кладбища. Это было не обычное кладбище — здесь не было памятников или крестов. Вместо них из земли торчали грубые камни, некоторые с выпарапан-ными символами, другие — голые, без имён. Трава была высокой, местами достигая пояса, и в ней прятались старые могильные плиты, покрытые мхом.

— Здесь похоронены ведьмы, — сказала Мэй, оглядываясь. — Тех, кого казнили, не хоронили на церковных кладбищах. Их привозили сюда и закапывали в безвестных могилах. Ни имён, ни дат. Только камни.

— Как мы найдём ту, которая нам нужна? — спросила Зои. — Их здесь сотни.

Эмили достала фотографию из кармана и посмотрела на неё. На снимке был виден костёр и толпа, но не было видно холма, не было ориентиров. Однако внизу, подписанное бабушкиным почерком, было примечание: «Дуб. Под ним».

— Дуб, — сказала она, показывая на старый дуб на вершине холма. — Тело Лилиан похоронено под дубом.

— Тогда идём туда, — сказала Зои и шагнула вперёд, но Мэй остановила её.

— Подожди. Здесь не так просто. Я чувствую, что земля под нами беспокойна. Духи — они не хотят, чтобы мы приближались к нему.

— Они не хотят, чтобы мы тревожили Лилиан? — спросила Эмили.

— Или они защищают её, — ответила Мэй. — Я не знаю. Но мы должны быть осторожны.

Они начали подниматься по склону, пробираясь через высокую траву. Дождь усилился, ветер раскачивал ветви дуба, и они издавали скрипучие звуки, похожие на стоны. Эмили чувствовала, как амулет на её шее нагревается, пульсирует, словно предупреждая об опасности.

— Ты чувствуешь это? — спросила она у сестёр.

— Да, — сказала Зои. — Будто кто-то смотрит на нас. Много кто-то.

Они дошли до дуба. Его корни выступали из земли, образуя причудливые узоры, а в центре, между корней, виднелась плита — не такая, как остальные. Она была чёрной, гладкой, и на ней был вырезан символ: три переплетённые луны, точно такой же, как на ключе и на книге.

— Это здесь, — сказала Мэй, опускаясь на колени. — Она здесь. Я чувствую её.

— Откопаем? — спросила Зои, оглядываясь в поисках лопаты.

— Мы не можем копать руками, — сказала Эмили. — Земля слишком твёрдая. Нам нужна другая сила.

Она посмотрела на Мэй:

— Ты можешь вызвать её дух. Попроси её показать нам, где лежат её кости. Может быть, она ответит.

Мэй заколебалась.

— Она не захочет говорить со мной. Я была одной из тех, кто предал её.

— Попробуй, — сказала Эмили. — Это наш единственный шанс.

Мэй закрыла глаза и положила ладони на чёрную плиту. Она отдала частицу своей печали — ту, что осталась от прощания с бабушкой, ту, что горела в ней, как крошечный огонёк. Она почувствовала, как печаль покидает её, и в тот же миг под её пальцами плита нагрелась.

Голос раздался не из земли, а из воздуха, из ветра, из дождя — он был повсюду и нигде одновременно.

«Зачем вы пришли?» — спросил голос, и он не был голосом Лилиан. Он был старше, глубже, женским. — «Вы тревожите покой мёртвых.»

— Мы ищем Лилиан, — сказала Мэй, стараясь говорить твёрдо. — Мы хотим освободить её душу.

«Освободить? Или уничтожить?» — голос засмеялся. — «Вы такие же, как в прошлый раз. Вы приходите с добрыми намерениями, но за ними скрывается страх. Вы боитесь её. И вы хотите избавиться от неё.»

— Мы хотим защитить себя, — вмешалась Эмили. — Она хочет занять одно из наших тел. Мы не позволим этому случиться.

«Она уже заняла одно из вас, — сказал голос. — Она внутри тебя, старшая сестра. Я чувствую её. Она прячется в твоём гневе, и она ждёт. Она сильнее, чем ты думаешь».

Эмили почувствовала, как внутри неё шевельнулось что-то — горячее, тёмное, липкое. Лилиан откликнулась на слова духа, и Эмили с трудом подавила желание закричать.

— Как нам найти её останки? — спросила она, сжимая кулаки. — Мы должны сжечь их, чтобы ослабить её.

«Останки лежат глубже, чем вы думаете, — сказал голос. — Они не под этой плитой. Это только могильный камень. Тело похоронено на три метра ниже, под корнями дуба. И оно не одно. Вместе с ней лежат те, кто пытался её спасти. Их кости переплелись с её, и вы не сможете отделить одно от другого.»

— Что это значит? — спросила Зои, бледнея.

«Это значит, что если вы сожжёте останки Лилиан, вы сожжёте и их души. Они не найдут покоя. Вечно будут блуждать между мирами.»

Мэй открыла глаза. Её лицо было мокрым от дождя и слёз.

— Мы не можем этого сделать, — сказала она. — Мы не можем уничтожить невинные души.

— Но мы должны остановить Лилиан! — воскликнула Зои. — Если мы этого не сделаем, она убьёт нас!

— Мы найдём другой способ, — сказала Эмили. — Мы должны.

В этот момент земля под ними дрогнула. Корни дуба зашевелились, будто живые, и из-под плиты вырвался тёмный дым — не чёрный, а серый, с зеленоватым оттенком. Дым поднялся в воздух, принял форму — не Лилиан, а другой женщины. Она была высокой, стройной, с длинными тёмными волосами и глазами, которые горели зелёным огнём.

— Это она? — прошептала Зои, отступая назад.

— Нет, — сказала Мэй. — Это та, кто пыталась её спасти. Одна из сестёр. Наша прошлая жизнь.

Женщина посмотрела на них, и в её глазах было столько боли, что у Эмили перехватило дыхание.

«Вы не знаете, что делаете, — сказала она, и голос её был подобен ветру. — Вы не знаете, что Лилиан стала такой, потому что мы предали её. Мы боялись её силы. Мы думали, что она уничтожит нас. Но она хотела только любви. Она хотела, чтобы мы признали её. Мы не сделали этого. И она умерла, ненавидя нас».

— Мы не виноваты, — сказала Эмили, но голос её дрожал. — Мы не те люди.

«Вы — те же души, — ответила женщина. — Те же страхи. Те же ошибки. Лилиан видит это. Она знает, что вы повторите то же самое. Поэтому она хочет занять ваше тело. Она хочет стать главной ведьмой, чтобы изменить прошлое. Она хочет вернуться в тот день и исправить всё. Но она не понимает, что прошлое нельзя изменить. Можно только принять его».

— Как нам остановить её? — спросила Мэй, и голос её был умоляющим.

Женщина протянула руку, и её пальцы коснулись лба Мэй. В тот же миг Мэй увидела всё — костёр, крики, слёзы, лицо Лилиан, искажённое страхом и ненавистью. Она увидела, как они трое стояли и молчали. Она увидела, как Лилиан смотрела на них с надеждой, которая угасала, превращаясь в пепел.

«Я не могу сказать вам, как остановить её, — сказала женщина. — Потому что я не знаю. Но я могу сказать вам, как защититься. Научитесь любить друг друга. Настоящей любовью. Не той, что говорит, а той, что действует. Лилиан питается страхом и ненавистью. Если вы покажете ей, что вы можете любить, она ослабеет».

Женщина начала исчезать, растворяясь в дожде. Но перед тем как исчезнуть полностью, она прошептала:

«И берегитесь зеркал. Она не только в вас, Эмили. Она и в них. И она ждёт вашей ошибки».

Дым рассеялся. Дождь стих так же внезапно, как начался. Небо прояснилось, и солнечный свет пробился сквозь тучи. На мгновение мир стал обычным — спокойным, почти мирным.

Но Эмили знала, что это затишье перед бурей. Она посмотрела на свои руки — руна на запястье пульсировала ярче, чем когда-либо. Лилиан внутри неё была тихой, но Эмили чувствовала, как она наблюдает, ждёт, оценивает.

— Мы не сожжём её останки, — сказала Эмили, наконец. — Мы не можем уничтожить других душ. Но мы можем найти другой способ. Мы должны.

— Какой? — спросила Зои, и в её голосе звучало отчаяние.

— Мы научимся любить, — сказала Мэй, и голос её был странно спокоен. — Как она сказала. Мы научимся быть настоящими сёстрами, а не просто людьми, которые разделяют кровь. Мы покажем Лилиан, что мы изменились. Что мы не те, кто предал её.

— Это невозможно, — сказала Зои. — Мы не знаем, как любить друг друга. Мы даже не разговаривали три года!

— Но мы можем попробовать, — сказала Эмили. — Мы можем начать сейчас.

Она протянула руки к сёстрам. Зои и Мэй колебались, но затем взяли её за руки. Они стояли втроём под старым дубом, и солнце освещало их лица.

— Я не знаю, получится ли у нас, — сказала Эмили. — Но если мы не попробуем, мы проиграем.

Они стояли, держась за руки, и в этот момент Эмили почувствовала, как Лилиан внутри неё дёрнулась — не от гнева, а от удивления. Это была не победа, но маленькая трещина в её броне.

И вдруг, из-за деревьев, донёсся голос — мужской, холодный, насмешливый:

— Какая трогательная сцена. Но вы зря тратите время. Лилиан уже выбрала.

Они обернулись. На краю поляны стоял человек — высокий, худой, с седыми волосами, спутанными ветром. Он был одет в старое пальто, а на шее у него висел амулет — точно такой же, как тот, который они нашли у бабушки. Но его глаза были пустыми, как у мёртвого.

— Кто вы? — спросила Эмили, отступая назад.

Человек улыбнулся, и в его улыбке было что-то знакомое, что-то от Лилиан.

— Я Смотритель, — сказал он. — Я был послан, чтобы наблюдать за вами. И я вижу, что вы слишком слабы, чтобы противостоять ей. Она уже внутри тебя, Эмили. И скоро она займёт твоё тело.

Эмили почувствовала, как внутри неё Лилиан начинает смеяться — тихо, злорадно. Она поняла, что Смотритель был прав. Она была слабой. Она не знала, как победить Лилиан. Но она знала, что не сдастся.

— Мы не позволим, — сказала она, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Мы найдём способ.

— Найдёте, — сказал Смотритель, и его голос был насмешливым. — Если у вас будет время. А времени у вас всё меньше. Лилиан растёт с каждой секундой. И когда она будет готова, она выйдет наружу. И тогда вы будете молить о смерти.

Он исчез так же внезапно, как появился — просто растворился в воздухе, оставив после себя лишь запах серы и дыма.

— Что это было? — прошептала Зои.

— Это был её слуга, — сказала Мэй. — Я слышала о таких. Люди, которые добровольно отдают ей часть своей души, чтобы получить силу. Он будет защищать её, пока она внутри Эмили.

— Мы должны вернуться в особняк, — сказала Эмили. — Мы должны найти в книге другой способ. Мы не можем сдаться.

Они пошли обратно к машине. Солнце уже садилось, и тени от деревьев становились длинными и зловещими. Эмили чувствовала, как Лилиан внутри неё всё ещё смеётся, но теперь этот смех был слабее, будто она тоже боялась.

— Что мы будем делать? — спросила Зои, когда они сели в машину.

— Мы будем учиться, — сказала Эмили. — Мы будем учиться любить друг друга. И мы будем учиться использовать свою силу без страха.

— А что, если не получится? — спросила Мэй.

Эмили посмотрела на неё. В её глазах была решимость, но также и страх.

— Если не получится, — сказала она медленно, — я убью себя. Чтобы она не получила моё тело.

Зои и Мэй замерли. В салоне повисла тишина, нарушаемая лишь звуком дождя, который снова начинал капать.

— Ты не сделаешь этого, — сказала Мэй. — Мы не позволим.

— Вы не сможете меня остановить, — ответила Эмили. — Если я умру, она умрёт вместе со мной. Это единственный способ гарантировать, что она не займёт моё тело.

— Но мы найдём другой способ, — сказала Зои, и в её голосе была мольба.

— Мы попробуем, — сказала Эмили, зажигая двигатель. — Но если всё пойдёт не так, я готова к этому.

Она выехала на дорогу, и машина направилась обратно в особняк. За окном снова начался дождь, и в отражении на стекле Эмили увидела своё лицо — на мгновение оно стало чужим, искажённым злой улыбкой Лилиан.

«Ты не убьёшь себя, Эмили, — прошептал голос внутри неё. — Ты слишком боишься смерти. И ты слишком сильно любишь свою жизнь. Поэтому я буду ждать. Я буду ждать твоей ошибки. И тогда я займу твоё тело».

Эмили сжала руль так, что побелели пальцы.

— Ты не победишь, — сказала она вслух, глядя на своё отражение. — Я не позволю.

Но она знала, что её слова звучали неуверенно даже для неё самой.

Глава 5. Пустота внутри

Обратная дорога в особняк заняла почти два часа, хотя ехать было всего сорок минут. Дождь, начавшийся снова, превратил просёлочную дорогу в сплошное месиво из грязи и листьев, и Эмили приходилось держать руль мёртвой хваткой, чтобы машину не занесло в кювет. Но настоящая причина, по которой они так долго добирались, была не в погоде. Она была внутри Эмили — там, где Лилиан пульсировала, как заноза, и каждое движение, каждое слово сестёр отзывалось в ней эхом.

— Ты слишком сильно нажала на газ, — сказала Зои, когда они выехали на более ровный участок. — Мы чуть не влетели в дерево.

— Я вижу, куда еду, — ответила Эмили, хотя её руки дрожали.

— Ты не видишь, — вмешалась Мэй с заднего сиденья. — Ты смотришь в зеркало заднего вида. Ты смотришь на себя. На неё.

Эмили резко перевела взгляд на дорогу. Она действительно не заметила, что всё это время смотрела в зеркало, наблюдая за своим отражением. Но это была не она — на мгновение ей показалось, что в отражении у неё другие глаза, более тёмные, более старые, и они улыбались.

— Она пытается отвлечь меня, — сказала Эмили, стараясь говорить ровно. — Я не позволю.

— Ты уже позволяешь, — сказала Мэй. — Ты не спишь, ты не ешь, ты не отдыхаешь. Ты даёшь ей энергию своим истощением.

— У меня нет выбора, — огрызнулась Эмили. — Если я расслаблюсь, она выйдет наружу.

— А если ты не расслабишься, ты умрёшь от изнеможения, и она выйдет тогда, — сказала Зои. — Это не стратегия, Эмили. Это самоуничтожение.

Эмили замолчала. Она знала, что сёстры правы, но не могла позволить себе остановиться. Каждый раз, когда она закрывала глаза, она видела Лилиан — она сидела в её сознании, как паук в паутине, и ждала. Ждала, когда Эмили сделает ошибку, когда устанет, когда сдастся.

— Я не сдамся, — сказала она, но голос её прозвучал слабо, почти безвольно.

Когда они, наконец, въехали в ворота особняка, солнце уже садилось, и дом встречал их тёмными окнами. Электричество так и не включили, и им пришлось зажигать свечи и керосиновые лампы, чтобы осветить гостиную. Тени танцевали по стенам, создавая причудливые фигуры, и в каждой из них Эмили мерещилась девочка с пустыми глазами.

Зои ушла на кухню, чтобы разогреть консервированный суп, который нашла в кладовке. Мэй уселась в кресло и открыла Книгу Теней, листая страницы с сосредоточенным видом. Эмили стояла у окна, глядя на дождь, и пыталась понять, что делать дальше.

— Я нашла кое-что, — сказала Мэй через несколько минут. — Заклинание. Оно называется «Связь крови». Если мы проведём его, мы сможем разделить нашу силу и эмоции. Не просто отдавать по кусочку, а... разделять всё. Полностью.

— Что это значит? — спросила Эмили, оборачиваясь.

— Это значит, что если я буду бояться, ты почувствуешь мой страх. Если ты будешь злиться, я почувствую твой гнев. Мы станем единым целым эмоционально. — Мэй помолчала. — Это может помочь нам сбалансировать Лилиан. Если мы будем делить эмоции, она не сможет использовать одну против всех.

— Это также значит, что если одна из нас устанет и захочет сдать, остальные тоже почувствуют это, — заметила Эмили. — Это рискованно.

— Всё, что мы делаем, рискованно, — сказала Мэй. — Но это может быть нашим единственным шансом.

Вошла Зои с кастрюлей супа и поставила её на стол.

— Что я пропустила?

— Мэй предлагает провести ритуал, который соединит наши эмоции, — сказала Эмили.

— Чтобы мы могли делить страх, гнев и радость.

— И чтобы Лилиан не могла использовать нашу уязвимость, — добавила Мэй.

Зои села за стол, налила себе суп и задумалась.

— Это же значит, что я буду чувствовать всё, что чувствуете вы? И вы будете чувствовать всё, что я чувствую?

— Да.

— Это ужасно, — сказала Зои. — Я не хочу знать, что вы чувствуете. Это... это слишком интимно.

— Мы уже связаны, — сказала Мэй. — Мы — сёстры. Мы — одна кровь. Этот ритуал просто усилит то, что уже есть.

Зои посмотрела на Эмили. Та стояла у окна, и в её позе было столько напряжения, что Зои почти физически ощутила его.

— Хорошо, — сказала Зои, наконец. — Я согласна. Но если это превратит меня в вечно плачущую развалину, я тебя убью, Мэй.

— Договорились, — сказала Мэй с тенью улыбки.

Они провели ритуал в полночь. Книга предписывала им сидеть в треугольнике, держась за руки, и произносить слова на древнем языке, который они не понимали, но который отзывался в их душах. Каждая из них должна была отдать по капле крови — уколоть палец и коснуться им страницы. Эмили чувствовала, как Лилиан внутри неё начинает беспокоиться, шевелиться, пытаться помешать.

— Не обращай на неё внимания, — сказала Мэй. — Сосредоточься на нас.

Эмили закрыла глаза и сосредоточилась на тёплых руках сестёр, на их дыхании, на их присутствии. Она отдала частицу своего гнева — того самого, который питал Лилиан. Она почувствовала, как гнев вытекает из неё, и в тот же миг он нашёл пристанище в Зои и Мэй. Они вздрогнули, но не разорвали круг.

— Я чувствую твою злость, — прошептала Зои. — Она... она огромная.

— Это не вся моя злость, — сказала Эмили. — Только часть.

Ритуал длился несколько минут. Когда они закончили и открыли глаза, Эмили почувствовала странное облегчение — как будто часть груза была снята с её плеч. Но в тот же миг она почувствовала грусть Мэй, её тихую, глубокую печаль о бабушке, о прошлом, о том, что она не могла изменить. И она почувствовала страх Зои — панический, животный страх перед тем, что она не может контролировать, что может уничтожить её.

— Это странно, — сказала Зои, прислушиваясь к себе. — Я чувствую вас. Как будто вы внутри меня.

— Мы всегда были внутри друг друга, — сказала Мэй. — Мы просто не знали этого.

Эмили встала и подошла к зеркалу — к тому, которое висело в гостиной. Она посмотрела в него, ожидая увидеть лицо Лилиан, но на этот раз в отражении была только она. Уставшая, бледная, но она.

— Она затихла, — сказала Эмили, прислушиваясь к себе. — Я не чувствую её.

— Это не значит, что её нет, — сказала Мэй. — Она просто ждёт. Но мы дали ей понять, что мы сильнее.

— Надеюсь, ты права, — сказала Эмили, отходя от зеркала.

Ночь прошла спокойно. Впервые за долгое время Эмили смогла уснуть без кошмаров. Она спала глубоко, без сновидений, и проснулась от солнечного света, который пробивался сквозь шторы. Дождь прекратился. Небо было чистым и голубым.

Когда она спустилась в гостиную, Зои и Мэй уже сидели за столом и завтракали. Они выглядели отдохнувшими, но в их глазах всё ещё была настороженность.

— Доброе утро, — сказала Зои. — Ты выглядишь лучше.

— Я чувствую себя лучше, — призналась Эмили. — Может быть, ритуал действительно сработал.

— Или она просто затаилась, — сказала Мэй. — Мы не должны расслабляться.

Эмили кивнула. Она села за стол и взяла чашку чая. В тот момент она почувствовала, как что-то изменилось в доме. Стало тихо. Слишком тихо. Даже птицы за окном перестали петь.

— Вы слышите? — спросила она.

— Тишину? — спросила Зои. — Да. Это странно.

— Слишком тихо, — сказала Мэй, вставая. — Я чувствую... пустоту.

Они вышли на веранду. Сад, который ещё вчера был мокрым и зелёным, теперь выглядел увядшим — листья на кустах пожелтели, цветы поникли, трава стала серой. И в центре сада стояла фигура — высокая, худая, в старом пальто.

Смотритель.

Он стоял, скрестив руки, и улыбался. На его шее висел амулет — тот самый, из костей. Он выглядел старше, чем вчера, будто время, ускорило свой бег над ним.

— Доброе утро, сёстры, — сказал он, и голос его был глубоким, резонирующим. — Я вижу, вы провели ритуал. Очень умно. Вы купили себе немного времени.

— Чего ты хочешь? — спросила Эмили, выходя вперёд.

— Я пришёл предупредить вас, — сказал Смотритель. — Лилиан недовольна. Она думала, что вы сломаетесь быстрее. Но вы оказались упрямыми. Это хорошо. Это делает игру интереснее.

— Мы не играем в игры, — сказала Зои.

— О, но вы играете, — сказал Смотритель. — Вы просто не знаете правил. Лилиан внутри Эмили. Она ждёт своего часа. И когда она выйдет, она не просто займёт тело. Она переписшет личность. Эмили перестанет существовать. Её воспоминания, её чувства, её любовь к вам — всё исчезнет. Останется только Лилиан.

— Мы не позволим этому случиться, — сказала Мэй.

— Вы не можете остановить это, — сказал Смотритель. — Но вы можете отсрочить. Если вы найдёте способ освободить душу Лилиан, она перестанет быть одержимой мстью. Она сможет переродиться, как и вы. Но чтобы освободить её, вы должны найти то, что она потеряла. Её сердце.

— Её сердце? — переспросила Эмили.

— Когда Лилиан умирала на костре, она отдала своё сердце — не физическое, а метафорическое. Она отдала свою способность любить, чтобы выжить в ненависти. Если вы вернёте ей сердце, она перестанет быть монстром. Она станет просто девочкой, которая была предана. И она уйдёт.

— Где оно? — спросила Мэй.

— Оно там, где она его оставила, — сказал Смотритель, и его улыбка стала шире. — В месте, которое вы все помните. Воспоминание, которое вы разделяете. Первый день, когда вы встретились в приюте.

Смотритель исчез, оставив после себя запах серы и горелой травы.

Сёстры переглянулись.

— Приют, — сказала Зои. — Он говорит о приюте.

— Но мы не помним тот день, — сказала Эмили. — Мы были слишком маленькими.

— Я помню, — сказала Мэй тихо. — Я помню, как мы встретились. Я была самой младшей. Я плакала, потому что меня забрали из дома. А вы подошли ко мне и взяли за руки. Вы сказали, что мы будем сёстрами. И вы пообещали, что никогда не оставите меня.

Эмили почувствовала, как что-то дрогнуло внутри неё. Это было не Лилиан — это было воспоминание, которое она не знала, что хранит. Она вспомнила маленькую девочку с тём-

ными волосами, которая сидела в углу и плакала. Она вспомнила, как взяла её за руку и сказала: «Не плачь. Теперь я твоя сестра. Я буду защищать тебя».

— Я помню, — прошептала она. — Я обещала защищать тебя.

— И ты сдержала обещание, — сказала Мэй. — Ты всегда защищала меня. Ты была моей старшей сестрой.

Зои подошла к ним и обняла их обеих.

— Мы были семьёй, — сказала она. — Мы всегда были семьёй. И мы будем семьёй, даже если Лилиан попытается нас разрушить.

Эмили почувствовала, как внутри неё что-то теплое поднимается — не гнев, не страх, а что-то другое. Что-то, что она не чувствовала годами. Любовь.

И в тот же миг она услышала голос Лилиан — слабый, почти беззвучный:

«Что ты делаешь, Эмили? Ты не должна любить их. Они предали нас. Они предали меня. Ты должна ненавидеть их. Только ненависть сделает тебя сильной».

Эмили закрыла глаза и ответила:

— Нет. Ненависть делает слабой. Любовь делает сильной. Ты забыла это, Лилиан. Ты забыла, что такое любовь. Но я помню. И я покажу тебе.

Лилиан внутри неё затихла. Но Эмили знала, что это не конец. Это только начало. Она должна была найти сердце Лилиан — её способность любить. И она должна была вернуть его ей.

— Мы поедem в приют, — сказала она, открывая глаза. — Мы найдём её сердце.

— Это будет нелегко, — сказала Мэй. — Приют закрыли много лет назад. Он стоит заброшенный. И, скорее всего, там тоже есть зеркала.

— Мы справимся, — сказала Эмили. — Мы всегда справлялись. Вместе.

Они собрались в течение часа. Эмили взяла книгу, амулет и ключ. Зои загрузила в машину немного еды и воды. Мэй положила в сумку свечи и спички — на случай, если электричество снова откажет.

Когда они выезжали из ворот особняка, Эмили посмотрела на дом в зеркало заднего вида. Он выглядел обычным — старым, немного мрачным, но обычным. Она знала, что за его стенами скрываются тайны, которые им ещё предстоит раскрыть. Но сейчас у них была цель.

— Ты чувствуешь её? — спросила Зои, когда они выехали на трассу.

— Да, — сказала Эмили. — Она затихла. Но я знаю, что она наблюдает. Она ждёт. Она хочет увидеть, что мы найдём. И она боится.

— Почему она боится? — спросила Мэй.

— Потому что если мы найдём её сердце, она перестанет быть сильной. Она перестанет быть монстром. Она станет просто девочкой, которую мы предали. И ей придётся встретиться с этой правдой.

Приют располагался в часе езды от особняка. Он стоял на окраине города, окружённый лесом, и выглядел заброшенным уже много лет. Окна были забиты досками, двери заперты, а на фасаде висела табличка с надписью «Опасно для жизни».

— Выглядит уютно, — сказала Зои, выходя из машины.

— Нам нужно внутрь, — сказала Эмили. — Есть идеи?

— Я могу открыть замок, — сказала Зои. — Как в прошлый раз.

Она подошла к двери и положила ладонь на старый амбарный замок. Она закрыла глаза и сосредоточилась, отдавая частицу своего страха. Замок заскрежетал и открылся.

— Получилось, — сказала она, но в голосе её была пустота.

Они вошли в приют. Внутри было темно и сыро, пахло плесенью и гнилым деревом. Вдоль стен стояли старые кровати, покрытые слоем пыли. На стенах висели детские рисунки, которые пожелтели и потрескались.

— Я помню это место, — сказала Мэй, оглядываясь. — Здесь мы спали. Здесь мы играли. Здесь бабушка нашла нас.

— Где мы должны искать сердце? — спросила Зои. — Это огромное здание.

Эмили закрыла глаза и попыталась почувствовать Лилиан. Внутри неё было тихо, но она ощутила слабый импульс — как будто где-то в здании что-то пульсировало.

— На втором этаже, — сказала она. — Я чувствую это.

Они поднялись по скрипучей лестнице. Второй этаж был ещё более запущенным — потолок местами обвалился, пол прогнил, и в некоторых местах виднелись дыры. Они прошли по коридору, заглядывая в комнаты, пока не дошли до комнаты в конце коридора.

— Это была наша комната, — сказала Зои. — Я помню её. Там, в углу, стояла старая кукла. Я боялась её.

Они вошли. Комната была пустой, но в углу действительно стояла кукла — старая, побитая, с выцветшими волосами и пустыми глазами. И под куклой, на полу, был нацарапан символ — три переплетённые луны.

— Это здесь, — сказала Мэй, опускаясь на колени. — Она здесь.

Она коснулась пола, и в тот же миг комната наполнилась голосами. Детскими голосами — смех, плач, крики. И среди них — один голос, тихий и грустный:

«Вы пришли. Я ждала вас.»

Эмили обернулась. В дверях стояла девочка — не Лилиан, а другая. Маленькая, с тёмными волосами и большими испуганными глазами. Она была похожа на Мэй в детстве.

— Кто ты? — спросила Эмили.

— Я — та, что была здесь, — сказала девочка. — Я — та, что видела вас в тот день. Вы пришли и сказали, что будете сёстрами. Я хотела быть вашей сестрой. Я хотела, чтобы вы взяли меня с собой. Но вы ушли с бабушкой. А я осталась здесь.

— Мы не могли взять всех, — сказала Зои, и в голосе её была боль. — Мы были детьми.

— Я знаю, — сказала девочка. — Я не злюсь на вас. Я просто хочу, чтобы вы знали: Лилиан тоже хотела быть вашей сестрой. Она хотела, чтобы вы любили её. Но вы оттолкнули её. Вы боялись её. И она превратилась в монстра.

Девочка протянула руку, и в её ладони лежал маленький камень — чёрный, гладкий, с пульсирующим красным светом внутри.

— Это её сердце, — сказала девочка. — Она оставила его здесь, когда уходила. Она думала, что если оставит его, перестанет любить вас. Но она ошиблась. Она ненавидела вас так же сильно, как любила. Возьмите его. Верните ей. И она уйдёт.

Эмили взяла камень. Он был тёплым, почти горячим, и в тот же миг она почувствовала, как внутри неё Лилиан начинает просыпаться — она кричала, она вырывалась, она пыталась остановить их.

— Мы вернём ей сердце, — сказала Эмили, сжимая камень. — Мы сделаем это.

Она посмотрела на девочку, которая улыбнулась и начала исчезать.

«Спасибо, — прошептала она. — Спасибо, что не забыли».

Девочка исчезла. Комната стала тихой и пустой. Эмили повернулась к сёстрам, сжимая в руке сердце Лилиан. Внутри неё она чувствовала, как Лилиан борется, пытается вырваться, пытается остановить их. Но она была слабее.

— Мы едем обратно, — сказала Эмили. — Мы вернём ей сердце. И мы освободим её.

Но когда они вышли из приюта, небо снова потемнело, и начался дождь. И в отражении стекла машины Эмили увидела лицо Лилиан — искажённое гневом и ненавистью.

«Вы думаете, что победили, — прошептал голос. — Но вы ошибаетесь. Вы вернули мне сердце, но вы не вернули мне любовь. Я всё ещё ненавижу вас. И я всё ещё хочу занять твоё тело, Эмили. Вы не можете меня остановить».

Эмили посмотрела на камень в своей руке и почувствовала, как он пульсирует в такт сердцебиению Лилиан.

— Мы остановим, — сказала она. — Мы остановим тебя. Даже если это будет стоить нам всего.

Глава 6. Сердце из камня

Дорога обратно в особняк была самой долгой в жизни Эмили. Камень, который она сжимала в ладони, пульсировал в такт её сердцу, и каждый удар отдавался в висках глухой, навязчивой болью. Она чувствовала, как Лилиан внутри неё мечется, как зверь в клетке, пытаюсь прорваться наружу. Но теперь Эмили знала, что это не сила Лилиан — это её отчаяние. Она боялась. Она боялась того, что они нашли. Она боялась своего собственного сердца.

— Останови машину, — сказала Мэй с заднего сиденья. — Я не могу больше терпеть эту вибрацию.

— Мы почти приехали, — ответила Эмили, не сводя глаз с дороги.

— Останови, — повторила Мэй, и голос её был резким, почти грубым. — Я чувствую её. Она не просто боится. Она пытается сопротивляться. Если мы не будем осторожны, она вырвется прямо сейчас, и мы все окажемся в опасности.

Эмили нажала на тормоз, и машина остановилась на обочине. Дождь, начавшийся снова, барабанил по крыше, создавая ритмичный шум, который был единственным звуком в салоне. Эмили повернулась к сёстрам. Зои сидела, прижимая руки к вискам, и глубоко дышала. Мэй смотрела на камень в руке Эмили, и её глаза были полузакрыты, словно она прислушивалась к чему-то, что другие не слышали.

— Что ты чувствуешь? — спросила Эмили.

— Я чувствую её боль, — сказала Мэй. — Она не просто злая, Эмили. Она испуганная. Она не знает, что будет, если мы вернём ей сердце. Она боится, что станет слабой. Что станет уязвимой. Что мы снова предадим её.

— Мы не предадим её, — сказала Зои, открывая глаза. — Мы дали слово. Мы вернём ей сердце, и она уйдёт.

— Она не верит нам, — сказала Мэй. — Она думает, что мы хотим уничтожить её. Она думает, что камень — это ловушка.

Эмили посмотрела на камень в своей руке. Он казался обычным — чёрный, гладкий, с красным пульсирующим светом внутри. Но она чувствовала, что в нём заключено нечто большее, чем просто энергия. В нём была душа Лилиан. Её способность любить. Её способность прощать.

— Мы должны убедить её, — сказала Эмили. — Мы должны показать ей, что мы изменились. Что мы не те, кто стоял и молчал триста лет назад.

— Как мы это сделаем? — спросила Зои. — Она даже не разговаривает с нами. Она просто кричит внутри тебя.

Эмили закрыла глаза. Она сосредоточилась на пульсе камня, на его тепле, на его боли. Она попыталась установить связь с Лилиан — не как с врагом, а как с сестрой, которую они потеряли.

— Лилиан, — сказала она мысленно. — Я знаю, что ты слышишь меня. Я знаю, что ты боишься. Но я хочу сказать тебе одну вещь: мы не хотим причинить тебе боль. Мы хотим помочь тебе. Мы хотим, чтобы ты обрела покой.

Внутри неё раздался голос — слабый, срывающийся, но всё ещё полный гнева:

«Вы лжёте. Вы всегда лгали. Вы сказали, что будете любить меня, а потом бросили меня на костре. Я кричала ваши имена, а вы стояли и молчали. Вы даже не попытались спасти меня»

— Мы не те люди, — сказала Эмили. — Мы изменились. Мы прожили другие жизни. Мы стали другими. Мы не помним ту ночь, но мы помним, что значит любить. Мы помним, что значит быть сёстрами.

«Вы не были моими сёстрами. Вы были моими палачами»

Эмили почувствовала, как внутри неё поднимается волна боли — не её, а Лилиан. Это была старая, глубокая боль, которая копилась веками. Она была похожа на ожог, который никогда не заживает.

— Мы хотим быть твоими сёстрами сейчас, — сказала Эмили. — Мы хотим вернуть тебе сердце, чтобы ты могла простить нас. И себя. Ты не заслужила того, что случилось. Ты была ребёнком. Мы были детьми. Мы все были детьми, которые не знали, что делать.

Внутри неё стало тихо. Лилиан не отвечала, но Эмили чувствовала, как её сопротивление ослабевает. Камень в её руке стал холоднее, пульс замедлился.

— Она слушает, — сказала Мэй, открывая глаза. — Она не говорит, но она слушает.

— Тогда мы должны продолжать, — сказала Зои. — Мы должны доказать ей, что мы серьёзны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.